

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17208

Главный редактор
В.Л. Агабекян

Первый заместитель главного редактора
Р.М. Булатов

*Заместитель главного редактора
по работе с органами власти*
А.В. Агабекян

*Заместитель главного редактора
по связям с общественностью
и вопросам рекламы*
А.Н. Митина

Финансовый директор
Н.А. Кивако

Шеф-редактор
Ю.А. Гостищева

Верстка и дизайн
А.В. Солодилова

**Корпункты редакции
в Российской Федерации:**

г. Белгород – руководитель В.В. Агабекян.

**ООО «Издательство
«Финансы. Экономика. Безопасность»**

Генеральный директор
В.Л. Агабекян

* Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

* Ответственность за содержание и достоверность фактов материалов несут их авторы. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

* За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях (с пометкой «»), редакция ответственности не несет.

* Редакция по собственной инициативе вступает в переписку с авторами писем. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

* При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Финансы, экономика, безопасность» ссылка на журнал обязательна.

Журнал «Финансы, экономика, безопасность»
включен в Ежемесячный каталог Книжной экспедиции
Управления делами Президента РФ
(рубрика «Периодические издания»)

Отпечатан в ЗАО «Белгородская областная типография»:
308002, г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 111а.

Заказ № 3324.

Подписан в печать в 11.00 07.04.2009 г.

Формат 62Х94 1/8. Печ. л. 5,58. Печать офсетная.

Тираж 10 000 экз.

Издается с января 2004 г.

Адрес издательства:

107120, г. Москва, 4-й Сыромятнический пер., д. 3/5

Тел.: (495) 545-93-80

E-mail: izdat.feb@mail.ru

Internet: www.izdfeb.narod.ru

Индекс по каталогу российской прессы
«Почта России» – 12807

Саммит G20 стал самым громким политическим событием последнего времени в жизни всего мирового сообщества. И это не случайно.

Участники саммита ждали резкого выступления российского лидера. Но вместо критики услышали спокойные конструктивные предложения, с которыми не могли не согласиться.

Президент России предложил полностью раскрывать антикризисные планы каждой страны, входящей в G20, для координации макроэкономической политики. А это значит, что финансовая отчетность и другие данные по крупным сделкам, вознаграждения руководителям компаний, собственникам и лицам влияния должны быть доступны всем. Как и список «налоговых гаваней», способствующих сокрытию финансовых махинаций. Реализовать эту идею можно лишь при наличии единых глобальных стандартов по открытости информации. Об этом первым делом и предложил договориться Дмитрий Медведев. Наш президент призвал оценить, какой путь развития мировой валютной системы наиболее благоприятен для глобальной экономики.

Итогом его выступления стал тот факт, что на преодоление кризиса лидеры G20 решили выделить 5 триллионов долларов.

Решения G20 привели к тому, что у инвестора появилась надежда на то, что кризис под воздействием правительственных решений, действий международных финансовых организаций скоро закончится. Проявляется рост интереса инвестора к более рискованным вложениям. Отсюда – рост фондового рынка, ослабление курса доллара.

Уже после саммита на официальном сайте Президента РФ были опубликованы предложения России к саммиту «Большой двадцатки». Одной из основных идей является предложение о создании международно признанных стандартов в области макроэкономической и бюджетной политики, соблюдение которых являлось бы обязательным для ведущих мировых экономик, в том числе и стран – эмитентов резервных валют. Другое важное предложение – реформирование существующей международной валютно-финансовой системы. В рамках реформирования предлагается, в частности, диверсификация перечня валют, используемых в качестве резервных, и создание наднациональной резервной валюты, эмиссия которой будет осуществляться международными финансовыми институтами, возможно МВФ. При этом предлагается реформирование и самого Фонда: в краткосрочной перспективе МВФ должен завершить проводимую реформу квот и голосов, имея в виду перераспределение голосов и квот в пользу стран с формирующимися рынками и развивающихся государств. Также Россия предлагает увеличить размер ресурсов Фонда.

В то же время Алексей Кудрин в интервью «Вестям» после встречи министров финансов стран «Большой двадцатки» сказал, что вопрос о создании новой мировой валюты сейчас не стоит в повестке: «Идет речь об использовании признанных уже валют, о развитии некоторых уже существующих механизмов. Но нужно следить за тенденциями. Мое мнение, что такой единой мировой валюты в ближайшие 30 лет точно не будет. А там посмотрим».

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВЛАДИМИР АГАБЕКЯН**

ЭКОНОМИКА

- 3** **МИХАИЛ ХАЗИН, ЕЛЕНА ИЖИЦКАЯ**
Рассуждения о последствиях кризиса

- 11** **АНДРЕЙ АГАБЕКЯН**
Проблемы реализации проектов энергосбережения в жилищно-коммунальном хозяйстве и его особенности

- 17** **НАИЛЬ ЗАКИРОВ**
Основные направления инновационного развития кластеров в Республике Татарстан

- 20** **АННА ТОМИНА**
Краткосрочная привлекательность в долгосрочном кризисе

ПОЛИТИКА

- 22** **ВАСИЛИЙ ЛИХАЧЕВ**
Идеи Д. Медведева о евробезопасности. Градус политического признания

- 25** **БОРИС ПОДОПРИГОРА**
Судан: в суд – за «афропессимизм»

- 27** **БОРИС ОХТИНСКИЙ**
Прибалтийская мозаика

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 31** **ГРИГОРИЙ ТИНСКИЙ**
Как наши законодатели радуют о здоровье народа

ПРЕСТУПНОСТЬ

- 33** **ЛЮДМИЛА ГЛОБА-ПАСТУШКА**
Проблемы определения глобальной энергетической безопасности как объекта преступных посягательств

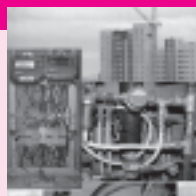
- 38** **АЛЕКСАНДР ВОШИНИН**
Газовые пристрастия Ющенко с точки зрения криминолога

ДИСКУССИЯ

- 41** **МИХАИЛ АЗАНОВ**
Государственно-частное партнерство как инструмент промышленной политики

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЕСТИ

- 56** **ВЛАДЛЕНА АГАБЕКЯН**
Модернизируя систему образования

РАССУЖДЕНИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ КРИЗИСА *

МИХАИЛ ХАЗИН,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК РФ
В ОТСТАВКЕ;

ЕЛЕНА ИЖИЦКАЯ,
ЭКСПЕРТ

Изучить ситуацию для узких отраслей не представляется, поскольку слишком велик спектр возможных событий и отсутствуют более или менее сравнимые с предстоящей ситуацией примеры.

Б. Ситуация в отдельных отраслях

Наиболее адекватным аналогом представляется ситуация России начала 90-х годов, однако она дополнена двумя важными факторами. Первый из них – наличие устойчивого внешнего рынка, который обеспечивал спрос на ряд продуктов, производимых российской экономикой, и гарантировал некий уровень институциональных услуг. Второе – отказ тогдашнего руководства страны от поддержки собственной экономики, ситуация, практически невозможная для большинства стран мира.

Кроме того, аналогия затрудняется еще одним фактором – скоростью происходящих процессов. В России упрощение структуры экономики (практически, с гибелью некоторых ее секторов, например станкостроения) произошло очень быстро, в тех же США в 30-е годы,

* Окончание. Начало см.: Финансы. Экономика. Безопасность. – 2008. – № 9-11 (50-52); 2009. – № 1-2 (53-54).

например, аналогичный процесс шел очень медленно, в связи с наличием внешнего спроса.

Базой для оценки является приведенная ниже таблица, показывающая структуру российской экономики до и после кризиса начала 90-х. При этом мы ввели дополнительный столбец, показывающий структуру российской экономики 1913 года. Связано это со следующим обстоятельством. Теоретически для каждой валютной зоны будут действовать те же механизмы, которые вызвали нынешние кризисные процессы в единой мировой финансовой системе, построенной на долларе. Это значит, что процессы упрощения структуры экономики и распада единых экономических пространств будут продолжаться, хотя некоторые из них, например Китай и Индия, дальше распадаться, скорее всего, не будут. В связи с этим не исключено, что в некоторых регионах «возврат» к более ранним экономическим моделям будет достаточно далеким.

Причем чем сильнее зональные элиты будут пытаться сохранить «сложную», то есть передовую на сегодняшний момент, структуру экономики и производства, тем быстрее эти процессы распада будут себя проявлять.

Сельское хозяйство

Основными тенденциями, которые определяли развитие сельского хозяйства последние десятилетия, являлись: повышение

энергоёмкости и увеличение масштаба сельскохозяйственного производства, существенное повышение урожайности за счет применения генетических методов и внесения различных удобрений, расширение рынков сбыта, сокращение численности работающих, переход к биржевому ценообразованию на все большее количество продуктов, существенное усложнение институциональной структуры обеспечения отрасли.

После начала дефляционного шока сельское хозяйство столкнется с рядом серьезных ограничений. Во-первых, для ряда регионов сократится сфера сбыта, поскольку будет нарушена структура мировой торговли. Во-вторых, резко упростится институциональная структура обеспечения отрасли, поскольку ее стоимость будет слишком велика в условиях резкого падения совокупного спроса. В-третьих, резко упростится структура потребления – многие, например экологически чистые, то есть дорогие, продукты просто станут нерентабельно производить во сколько-нибудь серьезных масштабах. В-четвертых, появление большого количества безработных сделает рентабельным использование очень дешевого труда в ряде сельскохозяйственных отраслей, в которых сейчас используется машинное производство. Серьезной проблемой станет использование удобрений, поскольку их производство крайне энергоёмко, а относительная стоимость электричества в условиях кризиса будет расти.

Радикально будет изменена структура ценообразования в сельском хозяйстве. В силу необходимости поддерживать население, на ряд продуктов будут вводиться регулируемые цены, соответственно, государство будет очень

Таблица

№ п/п	Отрасли экономики	1913 (Расчет Струмилина)	1985 (СССР)	1995 (РФ) (Госкомстат)	1995 (РФ) (статистика ООН)	2007 (Госкомстат)
1	Сельское хозяйство, охота, лесоводство, рыболовство	54,0	15,81	7,06	5,90	4,08
2	Добыча полезных ископаемых	Промышленность и строительство 28,7	24,75	0,25		9,02
3	Производство (обрабатывающая промышленность)		36,34	26,48	31,75	16,39
4	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды					2,68
5	Строительство		9,85	8,49	8,28	5,06
6	Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и бытовых изделий		Торговля, материально-техническое снабжение, заготовки и другие отрасли 8,46	19,76	17,61	17,69
7	Транспорт и связь	8,9	4,77	11,58	9,65	8,09
8	Финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда	Торговля 8,4		4,31	10,12	12,97
9	Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение			4,52	4,65	4,39
10	Образование; здравоохранение и социальные услуги			6,94	8,27	5,28
11	Жилищное и коммунальное хозяйство			4,02		1,69
12	Услуги финансового посредничества, измеряемые косвенным образом			-1,07	-4,08	-2,3
13	Чистые налоги на продукты				7,85	14,15
14	Валовой внутренний продукт	100	100	100	100	100

жестко регулировать их производство. Значительное количество фермерских хозяйств, например, в США, разорится, но государство будет сохранять их структуру, более того выкупать пустующие земли и расселять на них безработное население (и в США, и в Латинской Америке). Скорее всего, в силу существенной фрагментации рынков, биржевое ценообразование на ряд продуктов исчезнет, цены бу-

дут определяться или на локальных рынках (в условиях избытка продукции), или контролироваться государством.

Пример России, где в начале 90-х годов господдержка сельского хозяйства практически прекратилась, в данном случае не типичен. Если сегодня в Европе доля поддержки составляет почти 40 процентов, в США – 18 процентов (на единицу цены продукции),

то в России – от силы 1-2 процента. После кризиса, скорее всего, в большинстве стран эта цифра приблизится к европейской по ряду продуктов, наиболее чувствительных для населения, а для других – резко уменьшится. Межзональный переток сельскохозяйственной продукции, скорее всего, будет жестко ограничен, соответственно, импортные продукты станут предметами роскоши.

Резко сократятся исследования по разработке новых видов продукции, поскольку затраты на них и требования к использованию (количество удобрений) сделают их нерентабельными, соответственно, эти отрасли придут в серьезный упадок. Резко упростится структура всей отрасли, ее доля в структуре экономики различных зон вырастет, но, главным образом, за счет того, что другие упадут сильнее и за счет роста господдержки.

Добыча полезных ископаемых

Отрасль последние десятилетия характеризуется быстрым ростом – и физическим, и инновационным, и институциональным. Именно в этой отрасли был сосредоточен максимальный рост мировых цен последнее десятилетие, по некоторым видам полезных ископаемых, таких как нефть, появились опасения о появлении реальных физических ограничений объемов добычи.

Рост этой отрасли в 90-е годы в России связан исключительно с внешним спросом и не является типичным явлением. Рост цен на ресурсы и, соответственно, колоссальные средства, вкладываемые в разработку новых методов добычи, обогащения и переработки полезных ископаемых, институциональную структуру отрасли, были связаны исключительно с повышенным спросом и эмиссией доллара. Особенно сильно цены росли для тех ископаемых, которые торгуются на биржах, поскольку соответствующие ценные бумаги могут быть использованы как активы, связывающие избыток ликвидности. Как следствие, сразу после дефляционного шока произойдет стремительное падение цен на практически все полезные ископаемые с одновременным падением физического спроса на них (за исключением некоторых отдельных позиций, например драгметаллов и урана).

Межзональная торговля полезными ископаемыми будет практически исключена, в этом смысле валютные зоны станут практически полностью самодостаточными.

Единственное возможное исключение – зона евро, которая будет вынуждена покупать российский газ в том случае, если не получит Северную Африку.

Эксплуатация значительного количества месторождений будет закрыта или ограничена, резко сократятся соответствующие научные разработки. Большая их часть будет сосредоточена на увеличении качества извлечения ископаемых и более высокой эффективности их использования.

Биржевое ценообразование для значительной части продукции сохранится, однако в связи с тем, что институциональная структура отраслей и структура экономики в разных валютных зонах будут отличаться, не исключено, что стоимость различных ресурсов в разных зонах будет существенно различаться, что будет стимулировать локальные процессы, направленные на устранение этих диспропорций.

Научные разработки будут, в основном, сосредоточены на решении задач максимальной экономии ресурсов, несмотря на резкое падение цен на них. Доля отрасли в структуре экономики будет падать.

Производство (обрабатывающая промышленность)

Крайне сложно оценить единые тенденции во всей промышленности, поскольку она включает в себя колоссальное количество отраслей. Можно отметить только три наиболее важных процесса, характерных для последних десятилетий. Во-первых, существенное падение доли промышленности в экономиках развитых стран, превращение их в экономику услуг. Однако физического падения промышленности при этом не происходило (с учетом некоторых замечаний, см. ниже), падение доли этого сектора экономики происходило за счет ускоренного роста сферы услуг. Но услуги, финансовые в первую очередь, как за счет ускоренного роста эмиссии, так и из-за того, что в этой сфере рост цен

и, соответственно, прибыли был намного выше, чем в промышленности.

Во-вторых, снижение прибыли в промышленности в развитых странах приводило к выводу основных мощностей в страны с более дешевой рабочей силой. Поскольку никакого единого плана этой работы не было, то практически во всех отраслях объем мощностей существенно превышает потребительские возможности. Это создало ситуацию, при которой массовые промышленные технологии рентабельны только в случае сочетания двух факторов: дешевая рабочая сила и дешевый кредит. Еще одним важным фактором являются технологии, распределение которых по странам и компаниям определяется крайне сложным законодательством.

В-третьих, промышленные мощности крайне неравномерно распределены по странам мира и управляются из крайне незначительного количества центров.

Как следствие, в результате кризиса ситуацию в промышленности будут определять несколько главных факторов.

Первый – разделение транснациональных компаний, поскольку управление будет переходить с отраслевых на региональные центры управления. Грубо говоря, руководство государств не будет позволять в условиях острого социального кризиса закрывать производства и выкидывать на улицу рабочих, а также использовать трансфертные цены из-за нехватки поступлений в бюджеты.

Второй: формирующиеся валютные зоны начнут прилагать усилия для восстановления критически необходимых промышленных производств, даже если они нерентабельны в рамках текущих финансовых процессов. Это резко увеличит долю государственных расходов (как вариант – централизованного перераспределения) в общем объеме экономики и долю государственных инвестиций в промышленном производстве.

Третий: резко сократятся вложения в инновационные проекты, начнется существенное упрощение производства. Кроме того, в тех

отраслях, где была реальная конкуренция, она существенно уменьшится, поскольку выживание в условиях кризиса без господдержки будет достаточно сложным. В этом смысле многие процессы будут напоминать ситуацию в российской авиационной отрасли последние 15 лет.

В-четвертых, принципиально изменится структура получения прибыли. Если в XIX веке она была в основном в производстве, затем в торговле и финансах, то после кризиса ситуация вернется назад, в сторону XIX века, поскольку при низком спросе наценки на себестоимость будут минимальными.

В-пятых, структура промышленности существенно упростится. Скорость смены моделей во всех отраслях существенно замедлится, соответствующие структуры или полностью исчезнут, или резко сократятся в размерах. Финансирование инноваций будет активно происходить только в случае поддержки государства. Многие современные отрасли практически полностью исчезнут, будет происходить только дублирование существующих моделей с незначительным изменением дизайна.

Доля промышленности в структуре экономики существенно вырастет, главным образом за счет падения сектора услуг, кроме того, ее роль в экономике будет расти за счет увеличения количества работающих по мере падения уровня жизни и заработной платы.

Производство и распределение электроэнергии, газа и воды

Инфраструктурные отрасли последние десятилетия активно реформировались в сторону превращения в чисто финансовые структуры по выкачиванию денег из потребителей. В условиях резкого падения уровня жизни населения их придется жестко переоснащать, в том числе путем централизации и уменьшения издержек на управляющий персонал – то есть в направлении, противоположном нынешнему реформированию РАО «ЕЭС России».

С учетом того что поддержание инфраструктуры требует колоссальных средств, получить которые за счет тарифа будет в условиях кризиса достаточно сложно, можно предположить, что эти отрасли будут частично или полностью переходить под госконтроль или управление, причем тут широко будет использоваться практически труд безработных.

Главной проблемой отрасли станет принципиальное изменение процедуры управления и финансирования. С учетом нехватки средств в условиях кризиса это создаст очень много сложностей для муниципальных образований. Причем если в энергетике такие проблемы будут компенсироваться некоторым падением спроса в условиях экономического спада, то в других инфраструктурных отраслях этого не произойдет.

В целом доля отрасли в экономике упадет, но ее социальная роль и перераспределение бюджетных денег будут привлекать к ней большое внимание инвесторов.

Строительство

Основными тенденциями в строительстве за последние десятилетия были, во-первых, существенное удорожание материалов, в том числе и за счет все более и более жесткого подхода к экологии, а во-вторых, резкое усиление финансовой надстройки над собственно строительным бизнесом.

Себестоимость строительства и продажная цена строений, как коммерческих, так и частных, занимала все меньшую долю от продажной (арендной) стоимости, все большую часть брали на себя финансовые услуги, в том числе по управлению недвижимостью. Во многих странах мира в результате образовался пузырь недвижимости, который уже почти лопнул в Казахстане, приостановил свой рост в США (а в случае коммерческой недвижимости даже еще и не начал спадать) и активно продолжает развиваться во многих странах, в том числе в России.

Отметим, что критическая ситуация сложилась, скорее, в стра-

нах с англо-саксонской системой земельного законодательства и законодательства о недвижимости – в Германии, например, в странах Северной Европы таких острых проблем нет. Пример США показывает, что хотя само строительство занимает достаточно ограниченную долю в экономике, связанные с ним производные активы играют чрезвычайно важную роль в современной экономике. Это естественно, поскольку постоянная и все время ускоряющаяся эмиссия делает самым важным вопросом о размещении денег. И самым главным реальным активом является в этой ситуации недвижимость, которая все время должна расти в цене, причем даже ускоренными по сравнению с общим уровнем инфляции темпами.

Отметим, что поскольку этот сектор экономики растет в ценовом выражении очень быстро, то создаются многочисленные механизмы перераспределения сверхприбыли, с ним связанные. К ним относятся и рост цен на инфраструктурные составляющие, и административная рента, и сервисные службы, и многое другое. Иными словами, строительство на сегодня является одной из важнейших отраслей в части мультипликации финансовых потоков по всей экономике, одним из главных структурных элементов современной экономической модели.

В условиях кризиса собственно строительство может и не пострадать особо сильно, хотя опыт России показывает, что оно все-таки несколько «проседает». Но вот вся выстроенная над ней «надстройка» окажется в критической ситуации. Более того, не исключено, что ее вообще придется радикальным образом ликвидировать. В частности, не очевидно, что смогут существовать чисто коммерческие управляющие структуры, не аффилированные с муниципальными властями (поскольку доля средств, которые они смогут получать от потребителей, резко упадет в связи с уменьшением доходов последних), что государство не перейдет на немецкую систему налогообложения,

которая резко усиливает налоги на жилье, в котором сам собственник не живет, что не будут введены жесткие ограничения на использование земли (например, в случае невыполнения планов по строительству).

Поскольку доходы населения резко упадут, а стоимость жилья будет падать медленнее, хотя бы потому, что собственники будут сопротивляться продавать свои объекты дешевле себестоимости, которая была сформирована в условиях «бума» недвижимости, резко обострится жилищная проблема. Как следствие, все государства начнут жестко вмешиваться в строительную политику, стимулируя производство дешевого жилья. Что касается жилья «элитного», то этот сектор надолго попадет в жесточайший застой. Норма прибыли в отрасли резко упадет, но зато практически вся она будет попадать в руки собственно строителей, финансовая надстройка резко сократится.

Как следствие, принципиально изменится структура цен и финансовых потоков, связанных с отраслью. Делать здесь какие-либо прогнозы почти невозможно, поскольку новая структура будет связана и со стихийно развивающимися процессами, и тем законодательством, которое будут принимать отдельные страны в соответствии с текущими политическими и экономическими процессами, однако можно отметить, что собственно строительство по-прежнему сохранит свою роль в структуре экономики, поскольку сжатие сервисной части будет компенсировано общим падением объема ВВП.

Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и бытовых изделий

Пример отрасли, для которой российский опыт 90-х годов совершенно неприемлем, поскольку торговля и ремонт в СССР занимали крайне заниженное положение, так что доля отрасли резко выросла в условиях кризиса. Отметим, что картина могла

бы быть несколько другая, если бы статистика СССР учитывала бы взятки и другие виды неформальных отношений, которые устойчиво складывались в 70-80-е годы в условиях дефицита.

Торговля и сервисное обслуживание (ремонт) играют принципиальную роль в перераспределении эмиссионных и межстрановых финансовых потоков в современной экономике. Например, рост китайского импорта в США, как бы это странно ни выглядело, увеличивает американский ВВП. Связано это с тем, что курсовая разница между юанем и долларом перераспределяется между китайским производителем и американским посредником, причем часто последний получает большую часть. Таким образом, по мере образования валютных зон и сокращения межзонального товарооборота (а также восстановления в зоне доллара ряда производств) рост прибыли в торговле будет резко падать, соответственно, ее доля в экономике будет сокращаться.

Отметим, что торговля, и оптовая, и розничная, была включена в «новую» экономику в рамках изучения межотраслевого баланса, приведенного в пункте 3 настоящей статьи. Иными словами, она в последние два десятилетия получала значительно большую часть инвестиций и кредитов, чем могла претендовать в рамках ее текущего состояния и структуры экономики. Как следствие, после кризиса вся торговая и сервисная структура окажутся в крайне сложном положении, в частности не исключено, что государство станет жестко следить за объемом торговой наценки.

Дополнительным фактором, крайне негативно отражающимся на торговле, станет то, что она в последние десятилетия перестроилась на собирание монопольной ренты с производителей, которым требуются большие масштабы продаж и которые не могут себе позволить создание собственных сетей сбыта необходимого объема. Резкое снижение спроса, его концентрация в самом низком ценовом сегменте радикально изменят отношения между произво-

дителем и покупателем, сделают потенциальную маржу торговли настолько низкой, что современные логистические и торговые центры могут стать принципиально нерентабельными. В любом случае, доля торговли и розничных сервисов в структуре экономики резко сократится, как и доля инвестиций в этот сектор, причем достаточно длительное время они, скорее всего, станут ниже, чем текущая доля сектора в структуре экономики. Иными словами, инвестиции в него будут падать быстрее, чем сам сектор.

Транспорт и связь

Развитие этой группы отраслей последние десятилетия определялось рядом глобальных факторов. Расширение рынков и системы международной торговли после 1991 года, «бум» на рынке сотовой связи и развитие информационных технологий, высокий, целенаправленно формируемый спрос на продукцию соответствующих отраслей.

Если говорить о связи и объединенной с ней всей группой информационных отраслей, то можно смело сказать, что созданная за последние годы инфраструктура рассчитана на постоянный рост потребления услуг этих отраслей, а их финансирование во многом велось за счет денег, полученных от рекламы. То есть также связанных с потребительским спросом.

Резкое сокращение спроса и начало длительных депрессионных процессов неминуемо не просто сократит инвестиции в отрасль связи, но и, как и в случае с торговлей, практически гарантирует их ускоренный, по сравнению с падением самой отрасли, спад. Как следствие, кризис в ней будет очень глубоким и затяжным. Кроме того, практически вся научно-исследовательская инфраструктура отрасли потеряет финансирование на долгие годы, что равносильно ее значительному сокращению. Фактически, на плаву смогут остаться только те исследовательские структуры, которые будут связаны с бюджетным

финансированием, в основном по военной тематике.

Сама отрасль будет выживать за счет тарифных платежей по уже существующим услугам, причем объем их продаж резко сократится – и в количественном отношении, и в отношении на одного потребителя. То есть изменится структура услуг – подавляющая часть населения перейдет на самые дешевые их формы. Некоторым аналогом может стать отношение к сотовой связи в России в 1998-1999 годах. Роль отрасли в структуре экономики резко сократится.

Что касается транспорта, то здесь будут происходить сложные процессы. Сокращение мирового спроса и распад мира на валютные зоны резко сократят международные транспортные связи. Что касается внутризональных и внутристрановых, то они могут относительно вырасти (в натуральном выражении спад, конечно, будет). Кроме того, государства могут начать стимулировать развитие отдельных транспортных потоков как с целью занять безработное население, так и обеспечить экономическую активность. Особое место эта отрасль может занять в России, где развитие транспортной сети способно оказать важное влияние на экономические процессы.

В целом, скорее всего, доля международного транспорта существенно сократится в новой структуре экономики, а внутри валютных зон – останется близко к текущему показателю.

Финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда

Рост финансовой инфраструктуры в условиях постоянной эмиссии намного превышал темпы роста и ВВП, и эмиссии. Как следствие, эта сфера экономики понесет самый жестокий урон по итогам кризиса. Будет практически полностью разрушена система мировых инвестбанков, поскольку каждая валютная зона сформирует свою аналогичную систему. Такой же ревизии будет подвергнута система рейтинговых,

консалтинговых и аудиторских компаний. Более того, не исключено, что произойдет принципиальное изменение единой структуры мировых цен и восстановится ситуация середины XX века, когда в долларовой и рублевой зоне ценовые пропорции принципиально различались.

Банковская система существенно сократится, причем есть основания считать, что государства приложат максимальные усилия для сохранения локальных, региональных банковских институтов, а крупные, глобальные, специализирующиеся на перераспределении эмиссионных потоков в большинстве своем прекратят свое существование. Кроме того, принципиально изменятся акценты в рамках финансовой деятельности: если сейчас основные потоки связаны с ипотечным и потребительским кредитованием, управлением активами и сделками по слияниям / поглощениям, то после кризиса все эти направления резко сократятся (не только в натуральном, но и в относительном выражении), а основным станет кредитование реального сектора экономики, оборотных средств и инвестиционных.

не только с объективными процессами, но и с субъективными – слабостью менеджмента. Попытки же взять на работу специалистов из мелких банков также не дадут результата, поскольку последние привыкли к непосредственному управлению процессами. Реально, максимальный прогресс будет у некоторых мелких и средних банков, которые смогут быстро пройти все стадии роста. Аналогичная ситуация, впрочем, будет и у других финансовых компаний.

Крайне тяжелая ситуация сложится в тех финансовых институтах, которые «наросли» на «первичных», не только финансовых, но и, например, на реальных активах. В части управления недвижимостью мы уже частично описали это в разделе, касающемся строительства, но аналогичная ситуация будет и в других секторах. В частности, очень тяжелая ситуация ждет всю аналитическую отрасль, особенно если учесть ее невероятную профессиональную слабость. Фактически современные аналитики не являются специалистами ни в экономике, ни в финансах, они лишь изучили несколько методов, которые работают исключительно в условиях

Резко вырастет доля финансовых операций, связанных с обслуживанием государства.

Резко вырастет доля финансовых операций, связанных с обслуживанием государства (как в России в 90-е годы, где практически все крупные состояния сделаны за счет «приватизации» государственных финансовых потоков). Прибыльность финансовых операций резко сократится, что создаст колоссальные проблемы для практически всех финансовых институтов, квалификация персонала которых крайне низка, поскольку они не привыкли работать в условиях жестких ограничений ресурсов. Иными словами, гибель наиболее крупных финансовых институтов будет связана

более или менее стабильного развития в модели последних десятилетий. Любой отход от данных моделей вызовет колоссальный вал неверных прогнозов (это хорошо видно на примере обвала на фондовом рынке весны 2000 г., августа-сентября 2007 г. и ряда более мелких).

Более того, поскольку подавляющее большинство научных, исследовательских и образовательных институтов, центров и структур так или иначе «сели» на соответствующие финансовые потоки, сколько-нибудь адекватного представления реальности от финансовых институтов в ближайшее

время ожидать не приходится. Иными словами, количество желающих воспользоваться их услугами будет резко сокращаться, большинство из них столкнется с серьезными финансовыми проблемами.

Особое опасение вызывает то, что под обломками их управления рухнут и пенсионные накопления граждан во многих странах мира, что вызовет серьезные социальные проблемы, которые приведут к резкому ужесточению финансового законодательства. Напомним, что многие ограничения на финансовые операции, введенные еще в 30-е годы прошлого века Рузвельтом, были сняты в самом начале нынешнего века, например ограничение на совмещение фондовой деятельности, банковской и страховой деятельности в рамках единых компаний. Не исключено, что эти ограничения будут возвращены, причем в сильно более жесткой редакции. Не исключено также, что в некоторых валютных зонах будут введены даже более сильные ограничения, типа «налога Тобина», то есть оборотных налогов на любые чисто финансовые операции.

Тем не менее, фондовые рынки и некоторые другие финансовые рынки, например гособлигаций, номинированных в зональных валютах, безусловно, сохранятся, хотя их масштаб резко сократится. Еще более уменьшится рынок деривативов, который по итогам кризиса подвергнется наиболее жесткому регулированию.

Но самым сильным ударом по финансовым рынкам станет, пусть на первом этапе после острой стадии дефляционного кризиса и частичное, возвращение «золотого стандарта». Это резко сократит возможности финансового сектора экономики по перераспределению прибыли в свою пользу по сравнению с реальным производством, и, с учетом резкого падения уровня жизни населения и социальных проблем, эта тенденция будет поддержана государством и общественными институтами. А по мере нарастания финансовых проблем и в рамках валютных зон переход на привязанное к золоту обращение будет

еще более ограничивать возможности финансовых рынков по аккумулярованию прибыли.

Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение

Спецификой последних десятилетий в мире был процесс приватизации (монетизации) социального обеспечения с его существенным сокращением. Что касается государственного управления и обороны, то расходы на них серьезно росли. Ситуация после кризиса будет развиваться достаточно однозначно: доля расходов на оборону будет увеличиваться, особенно с учетом резкого роста локальных конфликтов в мире (которые будут некоторым аналогом мировых войн XX в. как инструмента передела рынков).

Соответственно, произойдет реформирование структуры этих расходов, снижение средств, выделяемых на стратегические вооружение и, соответственно, расширение на тактическое.

Доля государственного управления вырастет в первую очередь в связи с резким падением всех остальных секторов экономики, причем расходы здесь во многом будут поддерживаться за счет эмиссионных ресурсов. Государство в критических ситуациях будет брать на себя инициативу в управлении кризисными секторами экономики, которые затем, рано или поздно, будет постепенно отдавать в частные руки. При этом система бюджетного управления во многом будет использоваться как инструмент социальной поддержки, то есть численность работающих в ней будет быстро расти, а зарплаты будут минимальными.

Что касается системы государственной социальной поддержки, то она будет стремительно расти, вместе с долей населения, ею обслуживаемой. Государству придется взять на себя компенсации пенсионных и других сбережений, исчезнувших в период гиперинфляции и дефляционного шока, финансировать медицинские и другие учреждения, которые бу-

дут не в состоянии себя окупить в условиях резкого падения спроса на их услуги, резко увеличить свое участие в системе обеспечения лекарствами и т.д. При этом окупаемость всех этих видов деятельности без участия государства будет под большим вопросом, поскольку спрос на них будет минимальным.

Доля этого сектора в экономике сильно вырастет и его влияние во многих отраслях станет доминирующим. Как следствие, резко увеличится не только влияние государства на экономику, но и влияние общества на государственную политику. Существенно вырастет доля государственных служащих и приравненных к ним лиц, а количество людей, жизненный уровень которых будет во многом определяться полученными от государства средствами, станет подавляющим.

Все это вызовет принципиальную перестройку соответствующего законодательства во всех без исключения странах мира, но особенно сильным оно будет в странах с англо-саксонским законодательством, в частности в современной России. Масштаб этих изменений для США будет сравним с реформами Рузвельта в 30-е годы, даже еще более сильным, поскольку кризис того времени не разрушил действующую экономическую модель, в отличие от кризиса предстоящего.

Оставшиеся строки в таблице мы не будем описывать отдельно, поскольку они уже были частично рассмотрены в предыдущих пунктах. Отметим только, что в связи с резким падением уровня жизни населения, спрос его сконцентрируется в самых настоятельно важных секторах экономики. В качестве примера можно привести резко выросшую в начале 90-х годов смертность населения в России, связанную не только с тяжелым грузом психологических проблем, но и с тем, что в ситуации, когда населению нужно было зачастую чисто физически выживать, обращение к врачам и, вообще, контроль за своим здоровьем стали явной роскошью. Таким образом, многочисленные услуги, которые стали доминировать в современной, «постиндустриальной»,

экономике, вновь утратят свое значение. Если за последние десятилетия, доля услуг в экономике США выросла с 30 процентов почти до 80, то после кризиса процесс пойдет в обратном направлении, причем достаточно быстро. Но оценить масштаб их снижения невозможно, тем более что в различных валютных зонах процессы будут происходить по-разному.

7. Заключение

Приведенные в настоящей статье данные показывают, во-первых, неизбежность серьезного кризиса, во-вторых, его масштаб. Последний определяется прежде всего тем, что впервые с XVI века человечество столкнулось с ситуацией, когда абсолютно непонятна модель, которая будет определять базовые принципы построения экономической системы после кризиса и разрушения модели действующей. Ситуация при этом усугубляется тем, что вся интеллектуальная инфраструктура в последние годы была заточена под доказательство невозможности кризиса и дальнейшего развития существующей системы, что называется «до без конца».

В то же время отдельные исследования в сфере развития кризиса и посткризисных явлений существовали, но соответствующей инфраструктуры не существует, не существует и спроса на нее. Более того, соответствующий спрос не появится и в процессе кризиса, поскольку коммерческие структуры будут заняты вопросами выживания, а управленческие элиты до последнего своего дня будут сопротивляться тому, чтобы пустить в свою крайне замкнутую среду чужаков. Таким образом, реальные возможности по изучению кризисных процессов появятся только уже после кризиса, когда окончательно станет

ясно, что восстановить старую систему не получится. Как следствие, эти исследования многие годы будут отставать от потребностей реальной жизни, процессы в которой будут определяться конкретными сиюминутными решениями конкретных лиц, с их индивидуальным и, с абстрактной точки зрения, неадекватным описанием реальности.

элитный кризис, который будет происходить во всех странах мира, оставляет надежду, что соответствующие группы лиц все-таки прорвутся к власти в некоторых странах. Они и получают в процессе посткризисных «разборок» главное преимущество – адекватное понимание реальных целей и задач.

В любом случае, поскольку процесс развития мировой экономики

Работа по изучению кризисных процессов становится прерогативой философов или историков, желательно имеющих опыт государственного управления экономикой.

Система валютных зон, которая была предложена одним из авторов настоящей статьи в 2001-2003 годах как раз для смягчения переходного периода от действующей к новой экономической парадигме, выполнит эту задачу лишь частично. Кроме того, как уже отмечалось выше, чем активнее элиты будут пытаться сохранить *status quo*, тем быстрее пойдет процесс разрушения финансово-экономической системы. В этом случае Россия имеет серьезное преимущество перед другими странами, которое, впрочем, компенсирует в негативную сторону отсутствием суверенной элиты и объективными сложностями создания собственной валютной зоны.

Теоретически разработать варианты новых базисных принципов, на которых могла бы быть построена новая экономическая модель, возможно, однако совершенно непонятно, как вменить эту модель элитам в силу полного отсутствия того, что В. Ленин назвал «революционной партией». Впрочем, острый

пройдет через точку бифуркации, понимаемой не в буквальном («раздвоение»), а в математическом смысле (смена фазового портрета системы), то построить более или менее адекватную математическую модель происходящих процессов невозможно. Фактически мы вступаем в зону математического хаоса, когда любая, сколь угодно малая, ошибка в расчетах, может за конечное время стать системообразующим фактором. В этих условиях работа по изучению кризисных процессов становится прерогативой не математиков или специалистов по физическому моделированию, а, скорее, философов или историков, желательно имеющих опыт государственного управления экономикой. Именно в этом направлении имеет смысл продолжать развитие настоящего исследования, поскольку уточнение конкретных экономических процессов невозможно без понимания тех базовых принципов, которые будут определять экономические модели будущего. □

1. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926-1927 – 1930-1931 годы / Под ред. Струмилина С.Г. – М., 1927.
2. Народное хозяйство СССР в 1985 году: Статистический ежегодник. – 1986.
3. Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/i000331r.htm.
4. United Nations Statistics Division // http://mdgs.un.org/unsd/cdb/cdb_years_on_top.asp?srlD=30218&Ct1ID=&crID=643&yrID=1995.
5. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Pax Americana». – М.: Вече, 2003. – 368 с.
6. Егишянц С. Сумерки богов.
7. The Federal Reserve Bank of St. Louis // <http://stlouisfed.org/default.cfm>.
8. Еженедельные обзоры мировых рынков С. Егишянца // http://www.itinvest.ru/analytcs/review/world_wide.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

АНДРЕЙ АГАБЕКЯН

В соответствии с Федеральным законом «Об энергосбережении» под энергосбережением понимаются действия по реализации правовых, организационных, научных, производственных, технических и экономических мер, направленных на эффективное использование энергетических ресурсов и на вовлечение в хозяйственный оборот возобновляемых источников энергии.

Эффективное использование энергетических ресурсов подразумевает достижение экономически оправданной эффективности использования энергетических ресурсов при существующем уровне развития техники и технологий и соблюдении требований к охране окружающей природной среды [1].

Энергосбережение сегодня актуально как никогда прежде. Это — один из самых серьезных вызовов для российского предпринимателя. Вложения в энергоэффективные проекты и программы — это капиталовложения, позволяющие вывести производство на качественно новый технологический уровень, снизить объем потребляемых ресурсов, повысить производительность труда. Эффект, связанный с переводом производства на принципиально

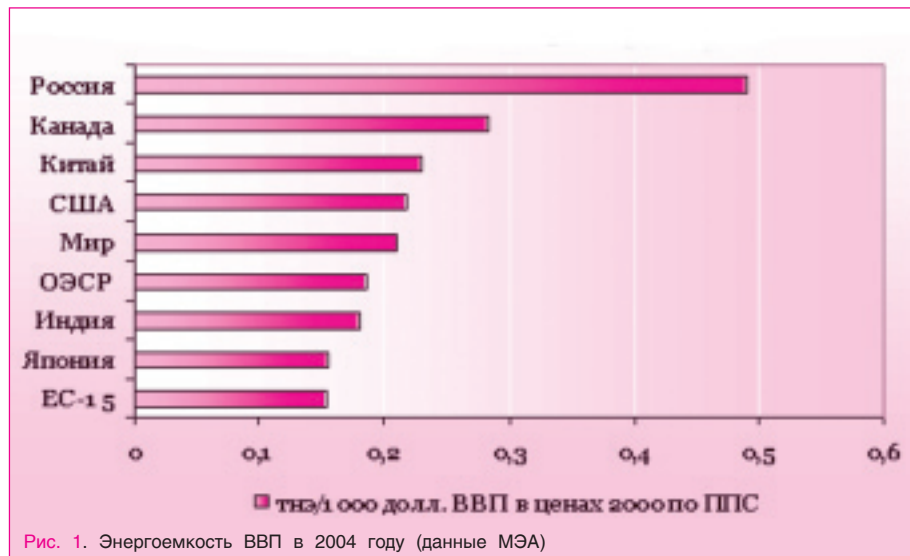

Рис. 1. Энергоёмкость ВВП в 2004 году (данные МЭА)

более высокий технологический уровень, позволяет рассматривать соответствующие вложения как реальные инвестиции, дающие коммерческую выгоду. В конечном итоге от результатов решения этой проблемы зависит место нашего общества в ряду развитых в экономическом отношении стран и уровень жизни российских граждан.

С другой стороны, энергосбережение — это инструмент, который одновременно содействует достижению трех основных целей энергетической политики: повышению энергетической безопасности; снижению вредного экологического воздействия вследствие использования энергоресурсов; повышению конкурентоспособности национальной экономики.

Если повышение энергоэффективности рассматривается в качестве цели в масштабах всей страны, это может также способствовать укреплению национальной энергетической безопасности, как в странах-экспортерах энергоресурсов, так и в странах, импортирующих их. Как подчеркивает секретариат Энергетической

хартии, основная задача сегодня состоит «...в изыскании способа практической реализации приверженности целям энергоэффективности в виде низкзатратных мер, а также в подкреплении политической воли соответствующими финансовыми и людскими ресурсами. Вкратце, задача заключается в достижении на практике фактических, осязаемых результатов в сфере повышения энергоэффективности» [2].

Для внедрения энергоэффективной политики в нашей стране имеются все необходимые условия. По оценке И. Башмакова в России ресурс повышения энергоэффективности в 2-4 раза превышает ресурс наращивания производства первичных энергоресурсов. Потенциал наращивания производства энергоресурсов равен 100-200 миллионов тут, а потенциал энергосбережения составляет 370-390 миллионов тут. Полное использование ресурса повышения энергоэффективности позволит развивать экономику в течение 8-10 лет без увеличения потребления первичных энергоресурсов [3]. Согласно данным А. Кустовой, в России на

производство единицы ВВП в среднем тратится в 3 раза больше энергоресурсов, чем в европейских странах; разные источники исследования показали, что потенциал энергоэффективности в нашей стране составляет от 30 до 40 процентов [4].

Такое положение дел обусловлено избыточностью топливно-энергетических ресурсов в нашей стране, на что обращает внимание Международное энергетическое агентство (рис. 1). Кроме того, энергопотребление в России растет быстрее, чем генерация, – и это на фоне общего износа оборудования энергосистемы. В 2010 году превышение национального энергопотребления над генерацией может составить 20 гигаватт, в то время как для устойчивого функционирования экономики необходим «запас прочности» в виде превышения генерирующих мощностей над энергопотреблением не менее 15 процентов. При этом имеющееся энергомашиностроение физически не способно в сжатые сроки решить проблему ввода мощностей [5].

Энергосбережение сегодня актуально как никогда прежде. Это – один из самых серьезных вызовов для российского предпринимателя.

Требуемые для внутреннего развития энергоресурсы Россия может получить не только за счет увеличения добычи сырья в труднодоступных районах и строительства новых энергообъектов, но и с меньшими затратами за счет энергосбережения непосредственно в центрах потребления энергоресурсов (рис. 2).

Для мобилизации резервов повышения энергоэффективности дополнительно к затратам на обновление оборудования нужно инвестировать до 2020 года 110 миллиардов долларов. Вместе с затратами на обновление энергопотребляющего оборудования сумма капитальных вложений равна 214 миллиардов долларов. Пер-

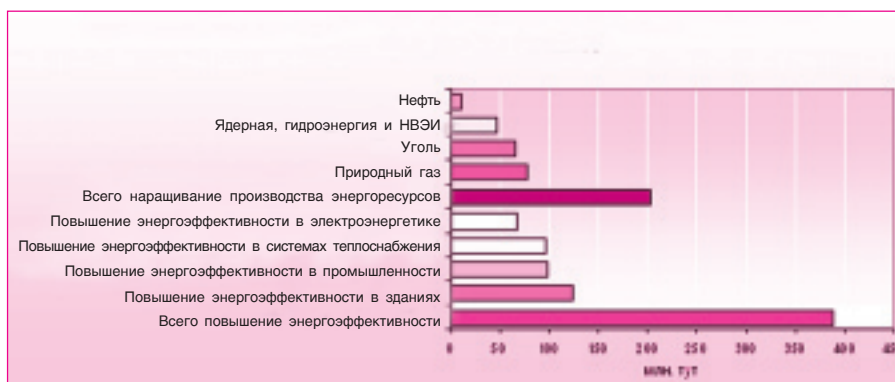

Рис. 2. Энергетические ресурсы для экономического роста России: 2006-2020 годы [6]

вая цифра меньше ожидаемых инвестиций в одну только газовую промышленность до 2020 года в 2 раза, но при этом: прирост добычи газа если и будет, то не превысит 40-50 миллионов тут, а потенциал энергосбережения равен 370-390 миллионов тут. Ни газовая, на угольная, ни нефтяная промышленность, ни атомная энергетика не способна за 110 миллиардов долларов предоставить ресурс для экономического роста такого масштаба. Капитальные вложения, необходимые на его мобилизацию, как минимум в 5 раз меньше ожидаемых

жения при этом одна. Она следует из его определения – это повышение энергоэффективности во всех отраслях, во всех регионах и в стране в целом. Важно при этом определить, какими мерами и насколько можно осуществить это повышение. Цели энергосбережения совпадают и с другими целями народного хозяйства страны, такими как улучшение экологической ситуации, повышение экономичности систем энергоснабжения и пр.

Отдельные направления стратегии энергосбережения реализуются в нашей стране весьма успешно. Стимулируют процесс энергосбережения в том числе: рост стоимости энергоресурсов; либерализацию рынка электроэнергетики; введение платы за подключение к централизованным системам энергоснабжения, пропорциональной подключаемой мощности; увеличение среди потребителей доли частного бизнеса, заинтересованного в экономии; повышение качества и количества приборов учета энергоресурсов, автоматизация процессов энергопотребления; доступность передового зарубежного опыта, оборудования и технологий, повышение качества продукции российских производителей и т.д.

Однако, несмотря на важность решения проблем энергосбережения в России, до сих пор фактически отсутствует комплексная государственная политика в этой области. Недостаточно также программ повышения энергоэффективности. Это во многом связано с тем, что в России на федеральном уровне нет государственных органов, координирующих деятельность по энергосбережению.

Кроме того, отсутствует развитая нормативно-правовая база для повышения энергоэффективности. И. Башмаков утверждает также о наличии барьеров повышения энергоэффективности (табл.).

Проблемы, связанные с энергосбережением и повышением энергоэффективности, имеют свои специфические особенности на отраслевом уровне. Это можно проследить на примере жилищно-коммунального хозяйства. При этом проблему энергосбережения в жилищно-коммунальном хозяйстве следует рассматривать в двух аспектах.

Во-первых, проблему эффективного использования энергетических ресурсов, энергии и энергоносителей в ЖКХ следует рассматривать в контексте современных тенденций развития энергетического рынка. Это показано нами в ряде публикаций [9]. В них подчеркивается, что эффективное использование энергетических ресурсов, энергии и энергоносителей представляет собой глобальную проблему, постоянно заботящую мировую общественность.

Отдельные направления стратегии энергосбережения реализуются весьма успешно.

Быстрый рост численности населения планеты (в 2,4 раза за вторую половину XX в.) и значительное увеличение среднедушевого потребления энергоресурсов привели к беспрецедентному за всю историю увеличению потребления энергии. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), суммарный объем потребления первичных топливно-энергетических ресурсов в мире увеличился за период с 1973 по 2003 годы на 75 процентов. Если говорить об отраслевой структуре мирового энергопотребления, то в настоящее время 36 процентов всех энергоресурсов используется в сфере производства электроэнергии и теплоты, 21 процент приходится на промышленность, около 18 процен-

Таблица
Основные барьеры повышения энергоэффективности [8]

Барьеры повышения энергоэффективности	Характеристика
Недостаток мотивации	Мягкие бюджетные ограничения и изъятие получаемой экономии в бюджетном и тарифном процессах
Недостаток информации	Информационное и мотивационное обеспечение подготовки и реализации решений часто игнорируется
Недостаток финансовых ресурсов и «длинных» денег	Требования к окупаемости проектов по повышению энергоэффективности и снижению издержек существенно более жесткие, чем требования к проектам с новым строительством
Недостаток организации и координации	Имеет место на всех уровнях принятия решений

тов на транспорт, а оставшиеся 25 процентов потребляются сферой услуг, жилым сектором и сельским хозяйством [10]. В перспективе до 2020 года, согласно прогнозу МЭА, потребление топлива в мире возрастет против 1997 года на 58 процентов, в том числе в развитых странах – на 25 процентов и в развивающихся – на 96 процентов [11].

Подобная тенденция наблюдается и в России. Но на фоне

тельной способности валют) превышает среднемировой показатель в 2,3 раза, а по странам Европейского союза – в 3,1 раза. Причем в условиях значительного экономического спада в России в 90-х годах прошлого века (примерно на 40-45 проц.) спрос на тепло- и электроэнергию сократился незначительно. В большой степени это связано с ростом тепло- и энергопотребления в жилищном секторе. К сожалению, этот процесс объясняется не столько ростом объемов жилищного фонда, сколько увеличивающимися потерями ресурсов в жилищном фонде и коммунальных сетях вследствие их нарастающего износа, который порой приближается к критическому уровню (60 проц.), а где-то и достигает его [12].

Во-вторых, развитие ЖКХ зависит как от внутренних экономических факторов, так и от формирования в нем рыночных отношений.

Говоря о внутренних экономических факторах развития ЖКХ, следует отметить, что в настоящее время жилищно-коммунальный сектор обеспечивает 7,6 процента добавленной стоимости, аккумулирует 9 процентов занятых в экономике и 33 процента основных фондов [13]. Общая площадь эксплуатируемых зданий в России составляет около 5 миллиардов квадратных метров, в том числе более 2,8 миллиардов квадратных метров – это жилые дома. На их отопление

расходуется 400 миллионов тонн условного топлива, или 25 процентов годовых энергоресурсов страны [14].

Анализ институциональных преобразований, проведенных в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации за последние 15 лет, дает нам основание говорить о формировании достаточно развитых рыночных отношений. По существу в этот период удалось главное – создать законодательные предпосылки изменений структуры управления и форм хозяйствования в этом социально значимом секторе национальной экономики. Принятые в рамках жилищного пакета законы (Жилищный кодекс, «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса», национальный проект «Доступное жилье – гражданам России» и программа «Жилище») определили на ближайшую перспективу организационно-правовые и финансово-экономические задачи развития жилищной и коммунальной

Возможность предоставлять дополнительные услуги и получать дополнительные доходы делают коммунальную сферу деятельности привлекательной для частного бизнеса.

В соответствии с Федеральным законом «О приватизации государственного и муниципального имущества» происходит акционирование муниципальных унитарных предприятий. Преобладающей формой частных предприятий в коммунальном комплексе являются акционерные общества (АО), которые создавались в процессе выведения объектов коммунальной инфраструктуры (водоканалы, котельные и т.п.) из государственного комплекса при приватизации предприятий национальной экономики и акционировании муниципальных унитарных предприятий (МУП) с участием местных администраций. Это привело к многовариантности возможных решений по акционированию, а порой и приватизации коммунальных предприятий.

приятый перед большой энергетикой [15]. В результате у основной массы работающих сегодня в коммунальном комплексе акционерных обществ инженерная инфраструктура не включена в уставной капитал, а передана обществу на правах долгосрочной аренды. При этом если основные фонды были жестко привязаны к видам деятельности, то по другим активам был значительный простор для принятия решений. Образованные акционерные общества уже «поглощаются» частным бизнесом, а акции передаются муниципалитетом в доверительное управление частным операторам.

Для успешного завершения начатых преобразований необходимо решить комплекс задач, связанных с повышением энергоэффективности жилищного фонда и решением задачи сбережения ресурсов в жилищном секторе. Сегодня 80 процентов стоимости жилищно-коммунальных услуг – это стоимость ресурсов, поступающих в наши дома через сетевые системы. При этом потребители, так или иначе, оплачивают все потери ресурсов. Развитие бизнеса, ориентированного на сокращение потерь, – главный экономический потенциал реформы жилищного сектора. Заинтересованность частного бизнеса в энергосбережении и обеспечении эффективного менеджмента – залог привлечения инвестиций в сектор. Эффективное использование энергии не только будет способствовать сохранению природных ресурсов России для будущих поколений, но также улучшит конкурентные позиции страны на мировом энергетическом рынке.

Существует большое число достаточно простых технических решений, которые позволят сократить потери ресурсов в жилых зданиях и снизить расходы на содержание жилья. Эти меры, по крайней мере их большинство, хорошо известны в России и уже доказали свою эффективность при правильном применении. Для внедрения этих технических решений необходимо, чтобы у заинтересованных сторон нашлись

Возможность предоставлять дополнительные услуги и получать дополнительные доходы делают коммунальную сферу деятельности привлекательной для частного бизнеса.

сферы муниципальных образований. Кроме того, произошедшие в ЖКХ преобразования изменили отношения отечественного бизнес-сообщества к проблеме «освоения» этого рынка услуг. Монопольная некогда сфера переживает сегодня период активной конкуренции в борьбе за право управления объектами инженерной инфраструктуры. Этому способствует также: наличие абсолютно ликвидных активов – платежей населения; постоянный рынок сбыта и фиксированная стоимость услуг, потребление которых не зависит ни от социально-политической ситуации в стране, ни от уровня доходов населения.

Многовариантность форм создания акционерных обществ обуславливалась: распределением акций между муниципалитетом и коллективом предприятия; включением или невключением в акционерный капитал монополярной составляющей основных фондов; передачей или непередачей в доверительное управление пакетов акций частным предпринимателям; продажей пакета акций частным предпринимателям; разделением предприятия при акционировании на несколько юридических лиц; созданием муниципалитетом совместных предприятий с аффилированными структурами с целью разрешения проблемы задолженности коммунальных пред-

инвестиционные ресурсы для проведения запланированных мероприятий и экономико-политические условия не препятствовали бы проведению необходимых преобразований.

Одна из основных причин игнорирования энергосберегающих технологий в том, что отсутствует сформированный и выраженный интерес вкладывать деньги в ресурсосбережение у потенциальных инвесторов и даже у получателей доходов от энергосберегающих мероприятий. Наиболее заинтересованной стороной в многоквартирном жилищном фонде должны выступать профессиональные жилищные управляющие организации, но их создание в России происходит слишком медленно. Внедрение мер по энергосбережению может дать положительные результаты только тогда, когда управление жилищным фондом и его содержание осуществляются эффективно, на должном профессиональном уровне. Обеспечение профессионального управления возможно только при дальнейшем внедрении рыночных механизмов управления и активном вовлечении частного бизнеса. Необходимое условие для внедрения рыночных механизмов – это формирование устойчивой финансовой политики в жилищной сфере.

Таким образом, для обеспечения эффективного управления жилищным фондом необходимо формирование эффективной жилищной политики по таким направлениям, как: создание устойчивой финансовой политики в области управления жилищным

Развитие бизнеса, ориентированного на сокращение потерь, – главный экономический потенциал реформы жилищного сектора.

фондом; формирование «эффективного» собственника жилья; развитие реального бизнеса по управлению жилищным фондом (рис. 3). Формирование устойчивой финансовой политики в сфере управления жильем позволит сократить

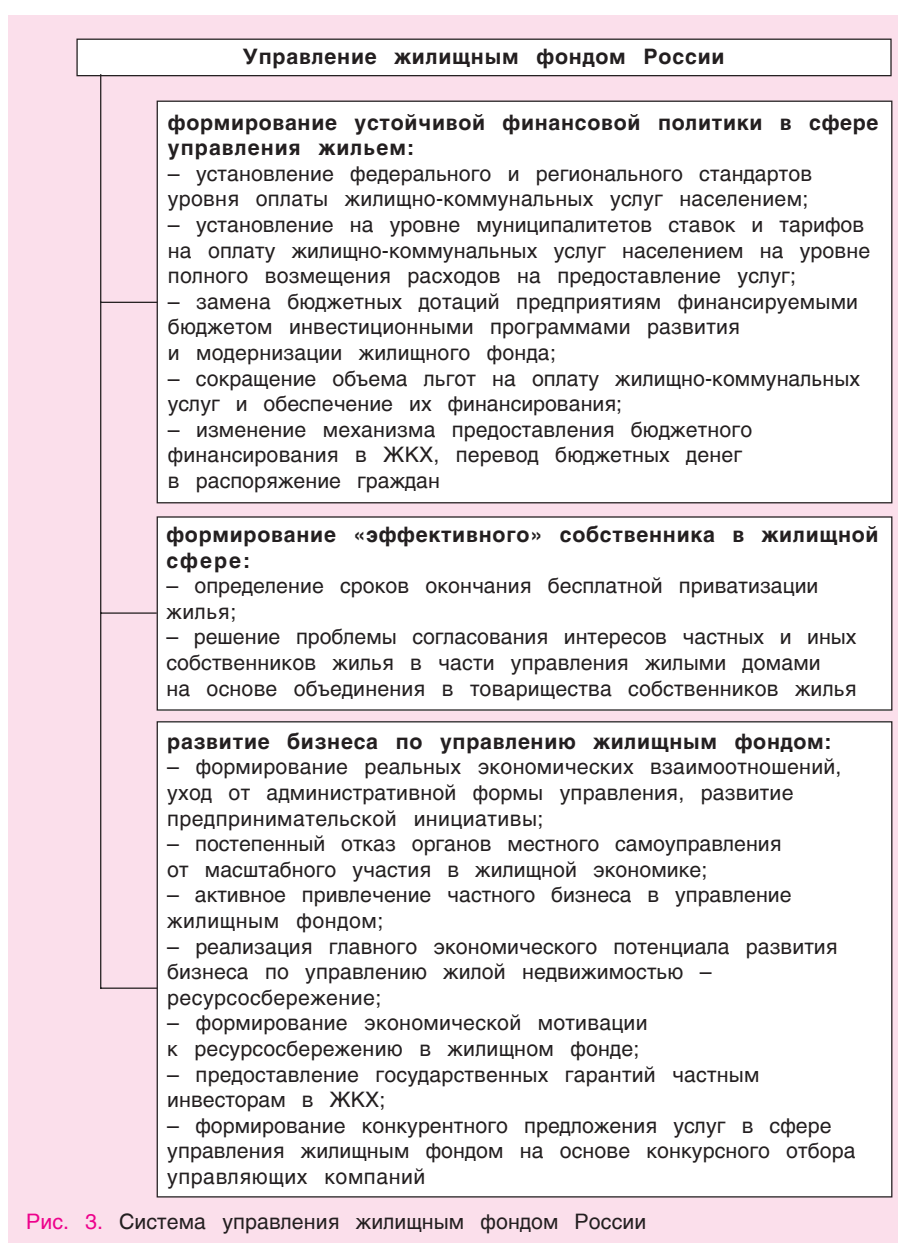

Рис. 3. Система управления жилищным фондом России

бюджетные расходы на жилищно-коммунальное хозяйство, повысить эффективность остающейся части бюджетного финансирования, сделать бюджетную политику более социальной.

зательств и освободить значительную часть бюджетных средств, которые ранее неэффективно расходовались в жилищном секторе, с направлением их в том числе на цели энергосбережения.

Формирование «эффективного» собственника в жилищной сфере предполагает согласование интересов частных и иных собственников жилья. На сегодня единственным приемлемым инструментом подобного согласования является объединение собственников в товарищества собственников жилья.

Основой развития бизнеса по управлению жильем является реализация главного экономического потенциала развития бизнеса по управлению жилой недвижимостью – ресурсосбережение. Если общее потребление тепловой

энергии сократить только на одну треть от той разницы, которая существует между потреблением тепла в России и странах Западной Европы, как, например, Дании, можно сэкономить 72 миллиарда кубометров природного газа в год [16].

доходов энергосервисной компании напрямую зависит от снижения потребления ресурсов в масштабах здания при соблюдении качества среды проживания. Для развития такого бизнеса требуется разработка методологической

отбора жилищных организаций любой формы собственности для управления жилищным фондом на основе пообъектного управления зданиями и рационального ресурсопотребления.

Важными в связи с этим являются поддержка (предоставление государственных гарантий) частным инвесторам в ЖКХ и создание благоприятного инвестиционного климата для них. В настоящее время неэффективная муниципальная инфраструктура коммунальных услуг ложится тяжким бременем на стесненные в средствах муниципальные бюджеты. Передача изношенных коммунальных объектов тепло- и водоснабжения и водоочистных сооружений из государственной собственности в муниципальную еще больше усилило инвестиционную напряженность на муниципальном уровне. В условиях сокращения государственной поддержки местным органам власти необходимо предпринимать активные шаги по привлечению инвестиций в инфраструктуру для поддержания ее в рабочем состоянии и удовлетворения растущих потребностей в будущем. Учитывая серьезность проблемы, привлечение инвестиций для обеспечения энергоэффективности в ЖКХ представляется своевременным и важным направлением деятельности. □

Формирование устойчивой финансовой политики в сфере управления жильем позволит сократить бюджетные расходы на жилищно-коммунальное хозяйство.

Для обеспечения экономии энергоресурсов управляющая компания должна иметь возможность распоряжаться всеми финансовыми ресурсами (средствами населения и бюджета) для оплаты жилищно-коммунальных услуг в конкретном здании и принимать самостоятельные решения в области энергосбережения.

Важная задача развития бизнеса по управлению жилищной недвижимостью – формирование экономической мотивации к ресурсосбережению в жилищном фонде по схеме работы энергосервисного бизнеса, когда объем

базы формирования системы договорных отношений в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг.

Приоритетными задачами государственной политики в сфере развития бизнеса по управлению жилищным фондом являются разработка методологической базы формирования системы договорных отношений в сфере предоставления услуг и создание механизмов экономической мотивации к ресурсосбережению в жилищном фонде. Ключевой задачей на местном уровне по-прежнему остается обеспечение конкурсного

1. Об энергосбережении: Федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1996 года № 28-ФЗ.

2. Обеспечение энергоэффективности: развитие энергетической политики, задачи и возможности / Секретариат Энергетической хартии, 2007.

3. Башмаков И.А. Содействие энергоэффективности и ресурсосбережению в бюджетной сфере и коммунальном хозяйстве // Многосторонний диалог «Прозрачная энергетика в XXI веке»: Встреча-семинар экспертов по теме: «Энергоэффективность и социальная ответственность». – М.: ЦЭНЭФ, 2006.

4. Кустова А.А. Энергоэффективность: Почему западная энергосервисная система не работает в России? // Энергосбережение. – 2008. – № 8.

5. Там же.

6. Башмаков И.А. Содействие энергоэффективности и ресурсосбережению в бюджетной сфере и коммунальном хозяйстве // Многосторонний диалог «Прозрачная энергетика в XXI веке»: Встреча-семинар экспертов по теме: «Энергоэффективность и социальная ответственность». – М.: ЦЭНЭФ, 2006.

7. Там же.

8. Там же.

9. Лукин В.П., Агабекян А.В., Елисеева И.В. Современные проблемы и тенденции развития системы инве-

стирования энергетического рынка и энергосбережения // Известия ОрелГТУ: Социально-экономические и гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – Орел: Орел ГТУ, 2008. – С. 145-149.

10. Глобальная энергетическая безопасность // Центр устойчивого энергетического развития. – М., 2006. – 65 с.

11. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2005. – 624 с.

12. Энергосбережение в жилищном фонде: проблемы, практика и перспективы. – М.: depa, Фонд «Институт экономики города», 2004. – 108 с.

13. Чернышев Л.Н. Партнерство государственного и частного сектора в коммунальной сфере России // www.rips.ru.

14. Энергосбережение в жилищном фонде: проблемы, практика и перспективы. – М.: depa, Фонд «Институт экономики города», 2004. – 108 с.

15. См.: Чернышев Л.Н. Партнерство государственного и частного сектора в коммунальной сфере России // www.rips.ru; Чернышов Л.Н. Экономика городского хозяйства: Монография. – Москва, 1999. – 328 с.

16. Примак Л.В. Управление энергосбережением в жилищном фонде // www.DORKOMSTROY.ru.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Наиль ЗАКИРОВ,
ВЕДУЩИЙ СПЕЦИАЛИСТ ПРЕДПРОЕКТНОГО АНАЛИЗА
И ЭКСПЕРТИЗЫ ГНО «ИНВЕСТИЦИОННО-ВЕНЧУРНЫЙ
ФОНД РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

Современные проблемы устойчивого экономического роста региона базируются на внедрении инноваций фундаментальных и прикладных разработок, формирующихся на стыке науки и производства, в существующие и вновь создаваемые виды бизнеса.

Инновации, воплощенные в новых научных знаниях, изделиях, технологиях, услугах, оборудовании, квалификации кадров, организации производства, являются главным фактором конкурентоспособности развивающихся регионов. В связи с этим в настоящее время в Татарстане сформировалась новая экономическая парадигма экономического развития, в центре внимания которой находится человек с его способностями к усвоению, переработке и анализу информации, к генерации на основе этого новых знаний. Вовлеченные в экономический оборот знания выступают источниками инноваций и усиливают конкурентные преимущества предприятий экономики Республики Татарстан, их применяющих. Финансовый капитал в этих условиях выступает в качестве экономического базиса процессов интеллектуализации современной экономики.

Необходимо консолидировать усилия и ресурсы, имеющиеся в

распоряжении Татарстана, для решения ключевой задачи – устойчивого экономического роста в регионе, который возможен при усилении связи между фундаментальной и прикладной наукой, с одной стороны, и производством инновационных продуктов, а также завоеванием рынка – с другой.

Финансовый капитал выступает в качестве экономического базиса процессов интеллектуализации современной экономики.

В целях поддержания конкурентоспособности экономики и повышения уровня жизни населения в Республике Татарстан в последние годы наметилась тенденция к переходу от сырьевой ориентации в экономике на инновационный путь развития.

В соответствии со стратегией социально-экономического развития Республики Татарстан на ближайшие годы уже сейчас активно создается фундамент инновационной экономики как экономики знаний. Для успешной реализации стратегии, обеспечивающей формирование экономики с высокими конкурентными возможностями, проводятся мероприятия по созданию высокоэффективных рабочих мест, на которых станет возможным производить наукоемкую продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Активизация инновационных преобразований экономической системы республики сопровождается территориальной концентрацией

экономической деятельности внутри самого региона. В настоящее время это происходит через создание различных кластеров – новых форм интеграции предпринимательских структур.

Кластер в экономической литературе определяется как индустриальный комплекс, сформированный на базе территориальной концентрации сетей специализированных поставщиков, основных производителей и потребителей, связанных технологической цепочкой и выступающих альтернативой секторальному подходу.

Для кластера обязательны наличие частной собственности, конкуренции без монополии, принцип свободного ценообразования, стабильность денежного обращения, экономическая самостоятельность и ответственность предпринимателей. Как единый интеграционный механизм, он позволяет снижать издержки производства и ликвидировать дублирование.

Первоначальная инициатива создания кластеров в Республике Татарстан исходила от ключевых участников, таких как ОАО «КамАЗ», ОАО «ТАИФ», ОАО «Татнефть», ОАО «Нижнекамскнефтехим» и др. Задачей создаваемых кластеров является укрепление социального капитала региона и развитие партнерских норм поведения, а также увеличение членов кластера. Мотивы создания кластерных объединений:

- применение высоких технологий;
- повышение экономической активности региона;

- поддержание экспорта;
- подготовка высококвалифицированных специалистов.

Развитие инновационной среды в крупных городах предусматривает создание технополисов с вовлечением в производственный процесс свободных производственных площадей и мощностей предприятий, а также неиспользуемых трудовых и интеллектуальных ресурсов. В этом направлении ведется активная работа по созданию в Татарстане промышленных

для региона отраслях промышленности, таких как нефтехимия, автомобилестроение, сельское хозяйство.

Для поступательного развития инновационной экономики на всех стадиях высокотехнологичного бизнеса необходимы финансовые ресурсы. Для этого в республике созданы и функционируют различные инструменты инвестиционной поддержки высокотехнологичных компаний разных стадий развития:

ствия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (фонд Бортника).

Республика Татарстан является одной из семи регионов России, где созданы технопарки в сфере высоких технологий. В соответствии с программой «Создание в РФ технопарков в сфере высоких технологий», целью которой является обеспечение глобальной конкурентоспособности отраслевых кластеров и создание инновационных кластеров в Российской Федерации, наблюдается заполнение рынка региона инновационной продукцией, инновационное решение стратегических государственных задач, стимулирование инновационного развития отраслевых кластеров и реализация национальных проектов.

Главная особенность кластера – его инновационная ориентированность. Инновационными кластерами, формирующимися на уровне региона, где высока концентрация взаимосвязанных отраслей, обычно признаются так называемые особые экономические зоны (ОЭЗ) – это ключевая идея инновационной правительственной программы государства.

В целях создания благоприятного инвестиционно-инновационного климата в республике сформирована федеральная особая

Первоначальная инициатива создания кластеров в Республике Татарстан исходила от ключевых участников.

округов с участием предприятий малого и среднего бизнеса, научных предприятий республики и привлечением иностранного капитала.

Республика Татарстан одна из первых начала создание инфраструктуры, необходимой для обеспечения развития субъектов малого и среднего предпринимательства в становлении бизнеса, «основанного на знаниях». В настоящее время в республике функционируют Казанский научный центр Российской академии наук, Академия наук Республики Татарстан, 87 вузов (в том числе 49 государственных и 38 негосударственных), 73 НИИ и КБ, 14 технопарков, бизнес-гостиниц, бизнес-инкубаторов и промышленных парков.

На базе крупных промышленных предприятий республики успешно реализуются инновационные разработки собственных научно-исследовательских и конструкторских подразделений.

Системообразующим субъектом инновационной инфраструктуры республики сегодня являются: инновационный технопарк «Идея», Камский индустриальный парк «Мастер», технопарк «Идея-Юго-Восток» и бизнес-инкубаторы, в задачи которых входит развитие новых технологий в традиционных

- Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан;

- фонды содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия;

- Лизинговая компания малого бизнеса Республики Татарстан;

- Гарантийный фонд обеспечения исполнения обязательств субъектов малого предпринимательства в Республике Татарстан и др.

Республика Татарстан является одной из семи регионов России, где созданы технопарки в сфере высоких технологий.

Значимым инструментом поддержки инновационной деятельности в республике является Программа инновационных проектов «Идея-1000». Программа не только стимулирует активность научных кругов в реализации прикладных задач, но и позволяет объединить в себе грантовую и венчурную составляющие. Организаторами и соинвесторами программы выступают федеральный Фонд содействия, Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан, технопарк «Идея» и Фонд содей-

экономическая зона промышленно-производственного типа «Алабуга». Созданная ОЭЗ «Алабуга» специализирована на следующие основные отрасли: производство легковых и грузовых автомобилей, автобусов, автомобильных комплектующих, а также нефтехимические производства, сельское хозяйство, образование, туризм и науку, которые направлены на развитие экономики Республики Татарстан. До кризиса планировалось, что к 2010 году объем привлеченных инвестиций

резидентами зоны предположительно составит более 13 миллиардов рублей, будет создано свыше 8 тысяч новых рабочих мест.

ала республики показывает, что в Татарстане имеются предпосылки активизации инновационных кластеров, проявляющиеся

тра промышленного и потребительского применения. Кроме этого происходит дальнейшее сближение и синергия с другими отраслями и кластерами республики – машиностроением, автомобилестроением, авиационным, строительной индустрией, сельским хозяйством, пищевой и легкой промышленностью и др., а также с образовательными, научными, IT-центрами и субъектами инновационной системы республики в целом.

Главная особенность кластера – его инновационная ориентированность.

Также не стоит забывать про ряд отраслей с высоким инновационным потенциалом, таких как информатизация и связь, пищевая и деревообрабатывающая промышленность, требующих к себе особого внимания. Их инновационное развитие может стать серьезной предпосылкой увеличения конкурентоспособности экономики республики, особенно сейчас.

Активность в инновационной деятельности имеет под собой еще ряд косвенных преимуществ для развития республики. Одно из них – это повышение привлекательности для крупных высокотехнологичных компаний, строящих свою деятельность на основе мировых стандартов качества. Приход крупных компаний на инновационно-активные территории приносит новые рабочие места с достойным уровнем заработной платы, а также всеми необходимыми социальными пакетами, что положительно сказывается на отношении других работодателей к своим сотрудникам и ведет к «обелению» рынка труда и заработной платы.

в значительном производственном потенциале.

До недавнего времени республика была известна в экономической сфере главным образом благодаря своей нефти, ряду нефтехимических и машиностроительных предприятий. Однако сегодня Татарстан становится тем субъектом

Предполагается, что повышение конкурентоспособности экономики республики должно осуществляться на основе развития наукоемких производств и роста доли инновационной продукции в объеме валового регионального продукта республики, и прежде

Нефтегазохимический комплекс Республики Татарстан также развивается по кластерным принципам.

Федерации, где, опираясь на сырьевые ресурсы и традиционно крепкую научную и инженерно-техническую кадровую базу, формируется диверсифицированная, открытая внешнему миру и конкурентоспособная новая экономика.

Нефтегазохимический комплекс Республики Татарстан также развивается по кластерным принципам и выступает как единый субъект конкуренции на российском и мировом рынках, состоящий

всего, за счет освоения производства новой высокотехнологичной химической и нефтехимической продукции, современных моделей грузовиков повышенной грузоподъемности, среднетоннажных автомобилей, современных автобусов, компрессоров, авиационной техники на предприятиях нефтехимического, машиностроительного и авиастроительного комплексов.

Для этого инновационная республиканская политика должна совершенствовать способы и методы внедрения инноваций, обеспечить финансовую поддержку со стороны органов власти республики всех уровней, венчурное финансирование, поддержку взаимодействия малого и крупного бизнеса в сфере инноваций, а также развитие системы технопарков и бизнес-инкубаторов с использованием опыта зарубежных стран.

Таким образом, возникновение и распределение кластеров и инновационной активности в регионе являются закономерными процессами. □

Возникновение и распределение кластеров и инновационной активности в регионе являются закономерными процессами.

Конкурентоспособность экономики зависит от того, насколько активно предприятия откликаются на новые идеи и внедряют современные технологии. Анализ инновационного потенци-

из взаимосвязанных крупных, средних и малых отраслевых предприятий, формирующих добавленную стоимость от добычи и переработки природного сырья до выпуска конечной продукции широкого спек-

КРАТКОСРОЧНАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ В ДОЛГОСРОЧНОМ КРИЗИСЕ

АННА ТОМИНА,
 КОНСУЛЬТАНТ ПО ЗАЩИТЕ ОТ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ
 ПОГЛОЩЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
 ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

*Для России 2008 год
 прошел под знаком
 дестабилизации, началом
 и углублением в мировой
 финансово-экономический
 кризис.*

Многие аналитики придерживаются оптимистического взгляда на создающуюся ситуацию, считая, что Россия находится на пути выхода из кризиса, начинается рост экономики. Однако позвольте не согласиться с тем, что подъем начался так быстро. Данное предположение становится еще абсурднее, если задуматься, что «сырьевое» государство, учитывая ситуацию в нефтяном секторе, преодолело застой, спад, стабилизацию и рост за какие-то полгода... Удивительный результат!

Вывод напрашивается сам – Россия всеми силами пытается найти пути выхода из сложившейся ситуации на рынке, но пока только в теории. На практике все оказывается намного труднее, учитывая все особенности международного сотрудничества с мировыми державами, а также спекулятивное влияние на сырьевые рынки. В связи с этим хотелось бы рассмотреть привлекательность нефтяного бизнеса в период кризиса с точки зрения государства, бизнес-элит и общества.

Государство, несмотря на пессимистические прогнозы аналитиков относительно 2009 года, не собирается бросать на произвол судьбы «жизненно важную» отрасль страны. Наоборот, роль го-

сударства для нефтяников в период кризиса заметно возрастет. В основном планируется проведение направленных на своевременную поддержку и помощь мероприятий, среди которых льготы по НДС за счет роста необлагаемой базы с 9 до 15 долларов США, регулирование экспортных пошлин в ручном режиме, что не позволит «ножницам Кудрина» обрезать прибыль компаний в случае снижения цен. Эти меры касаются как нефтяных холдингов, так малого и среднего бизнеса.

центом от стоимости крупнейшей нефтяной компании России (в докризисных цифрах стоимость равнялась примерно 100 млрд. долл.). Согласитесь – сумма немаленькая!

Появляется встречный вопрос – так в чем же нефтяной бизнес остается привлекательным для государства? Скорее здесь вопрос не столько в привлекательности, сколько в необходимости поддержки и стимулировании геологоразведки в России. Это связано в большинстве случаев с тем, что отечественные компании обеспечены запасами нефти на десятилетия вперед. Следовательно, они не имеют стимулов вести геологоразведку. Кроме того, бросить на произвол

**Россия всеми силами пытается найти
 пути выхода из сложившейся
 ситуации на рынке,
 но пока только в теории.**

В дополнение к вышесказанному государство сохраняет за собой функцию основного кредитора бюджетобразующей отрасли. И это не случайно, учитывая тот факт, что колоссальный рост стоимости барреля в середине 2008 года привел к заложению в бюджет всех нефтяных компаний высокой доли инвестиций в разработку, модернизацию и введение инноваций. Поэтому уже к осени большинству нефтяников пришлось в срочном порядке пересматривать и перекраивать бюджеты, так сказать «сводить концы с концами». Кроме того, ВИНК попросили кредит у государства на рыночных условиях на общую сумму около 10-20 миллиардов долларов. А это, в свою очередь, на сегодня составляет около 60 про-

судьбы, а лучше сказать, вернуть «узды правления» олигархическому классу такими усилиями государственного комплекса было бы, мягко говоря, недальновидным поступком властей. В большинстве случаев это может способствовать повышению активности бизнес-элит во внешней и внутренней политике государства, что повлечет за собой усиление диктата со стороны господствующего класса, сокращение большей части налогов, «приватизацию» жизненно важных артерий России – нефтепроводов. Помимо этого, отношения собственности и реальных денежных потоков становятся крайне запутанными и непрозрачными не только для инвесторов, но зачастую и для фискальных органов. Однако возвращение

в 90-е годы явно не в планах руководителей государства! Поэтому, несмотря на убыточность бюджета России в 2009 году, крупные нефтяные компании заняли позиции в списке государственной поддержки.

ние благосостояния все большего числа российских граждан – акционеров нефтегазовых компаний. Однако 2008 год завершился для компаний «в минусе». Кроме того, капитализация крупнейшей ВИНК сократилась более чем в 3 раза!

Новые налоговые льготы для нефтяников со стороны государства могут стать одной из существенных статей расходов бюджета.

Однако новые налоговые льготы для нефтяников со стороны государства могут стать одной из существенных статей расходов бюджета, а дальнейшая оптимизация инвестиций в сторону снижения вызовет вопросы с точки зрения безопасности страны в области геологоразведки и снижения уровня добычи нефти, что повлечет за собой убытки при возобновлении роста цен на энергоносители.

Что касается бизнес-элит, то стоит рассмотреть отрасль с точки зрения инвестиционной привлекательности в период кризиса. И это понятно, так как собственных ресурсов компаний не хватает для инвестиций, возврат капиталовложений падает ниже среднего уровня, а инвесторы вынуждены присматривать проекты в других, более привлекательных, отраслях.

Основным показателем эффективности и привлекательности отрасли являются цены на акции нефтегазовых компаний на фондовом рынке. Однако в минувшем году зафиксировано печальное положение дел. Это связано со значительным снижением котировок акций российских ВИНК, что является более серьезной проблемой, чем кажется на первый взгляд. Рост стоимости российских нефтекомпаний – не только повышение конкурентоспособности и возможностей по привлечению инвестиций, это прямое увеличение стоимости нефтяных активов государства и повыше-

К тому же следует учесть, что отчетность за 2008 год вряд ли будет отвечать необходимым критериям доходности и обрадует потенциальных инвесторов, которые чувствуют конъюнктуру рынка и совершают сделки, руководствуясь прогнозами роста и рентабельности отраслей экономики. Поэтому в течение 2009 года компаниям не следует ждать масштабных вливаний в собственные проекты из внешних источников.

Дав оценку привлекательности нефтяной отрасли для государства и бизнеса, необходимо коснуться такого важного института, как общество. И это не случайно! В период экономической нестабильности именно граждане страны являются наиболее уязвимым звеном, так как расплачиваются за ошибки сильных мира сего. Итак, первой и основной проблемой, с которой столкнулось общество, а именно работники, были массовые сокращения, начавшиеся с декабря 2008 года и продолжающиеся по сей день. Причем сокращения произошли по большей части в московских офисах компаний тех сотрудников, которые не были непосредственно задействованы в добыче сырья, то есть в основном специалистов базовых специальностей: экономистов, финансистов, бухгалтеров. Что же касается непосредственно профильных, «нефтяных» специальностей, то они пострадали меньше всего, тем самым не снижая привлекательности «отраслевых» вузов среди абитуриентов.

Остается еще одна проблема – компании, пытаясь оптимизировать затраты и организацию труда, сократить издержки, прибегают к снижению фонда оплаты и повышению интенсивности труда. Теперь для того, чтобы на месторождении уложиться в плановые показатели добычи, а в столичных офисах в срок сверстать бюджет и подготовить отчет, сотрудникам придется работать за двоих, получая при этом в месяц на 10-15 процентов меньше. В ситуации, когда на рынке труда предложения превышают спрос, вряд ли кто-то из работников будет протестовать и изъяслять недовольство. Придется идти на компромисс, так как все несогласные незамедлительно пополнят ряды безработных. И это тогда, когда у каждого третьего жителя России имеется один из кредитов, среди которых потребительский, автокредит, ипотечный!

В итоге ситуация выглядит следующим образом: основная доля инвестиций в отрасли принадлежит государству, что связано с необходимостью сохранения контроля над стратегически важным объектом – ресурсами страны; бизнес-сообщества, основываясь на аналитических прогнозах, не спешат вкладывать средства в капиталоемкие программы; население волнуется исключительно один вопрос – не потерять место работы и, как следствие, средства к существованию. Таким образом, ресурс, доходы от реализации которого на протяжении десятилетия складывались в стабфонд и обеспечивали профицит бюджета, на 2009 год грозит обернуться главной статьей расходов. Отсюда вывод – возможно, политика, проводимая в нефтяном секторе экономике, не была направлена на долгосрочную перспективу, а преследовала исключительно обогащение в краткосрочный период. Результат налицо: нет новых технологий, мощностей, уровень переработки оставляет желать лучшего, а, главное, понимание этого приходит тогда, когда средства ограничены, затраты оптимизируются и страна находится в затяжном кризисе. □

ИДЕИ Д. МЕДВЕДЕВА О ЕВРОБЕЗОПАСНОСТИ. ГРАДУС ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ

**ВАСИЛИЙ ЛИХАЧЕВ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ,
ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР**

*Скажем откровенно:
первое десятилетие
нового столетия
предельно скромно
на инновационные
идеи развития мира
глобализации.*

Оно, скорее, демонстрирует восприятие (в разном объеме и с разной скоростью – конъюнктура присутствует!) тех достижений межсуверенного взаимодействия государств, а также сотрудничества при участии международных организаций, прежде всего образующих систему ООН, которые перешли в режиме исторической преемственности от одной эпохи к другой. Это Устав Организации Объединенных Наций, Статут Международного суда, целая серия многосторонних договоров универсального характера, регулирующих, в частности, проблемы разоружения, борьбы с международным терроризмом, голодом и нищетой, инфекционными болезнями, нарушениями прав и основных свобод человека, экологии, мирного освоения космоса, Мирового океана. Однако дело не ограничилось лишь имплементацией ранее согласованных договоренностей в новых, подчас нестандартных условиях. За прошедшие годы вопреки логике правового и справедливого мироурегулирования, требований основных принципов международного права, во внешней политике и дипломатии отдельных государств и блоков стран сохранялась инерция мышления в духе «холодной войны», проявилась

неспособность и нежелание по-новому взглянуть на миропорядок XXI века с его вызовами и угрозами.

Стала возникать и тиражироваться своего рода «критическая масса», которая до сих пор была и остается серьезным эволюционным препятствием для международных отношений. Ее составные элементы – международно-правовой нигилизм, двойные стандарты в политике, национальный и групповой экономический эгоизм, неэффективность (бьющая в глаза) ряда международных структур финансового сектора, сопротивление очевидным явлениям (восприятию, в частности, принципа неделимости современной безопасности), принятие нередко в качестве официальной линии в международных делах, ориентированной на различного рода фобии. Так, ее объектом стал ислам – одна из мировых конфессий и культур.

В этом ряду оказалась и Российская Федерация, виновная, по мнению некоторых западных политиков и парламентариев из Евросоюза, ПАСЕ, в якобы «несправедливом» и «неправильном» движении истории в прошлом. Отрицательная, порой чувствительно разрушительная, функция этой «критической массы» особенно заметна на фоне нарастания в международных отношениях кризисных явлений политического, финансового, экономического, государственно-правового характера.

Мировой кризис, разворачивающийся на наших глазах и далеко еще не достигший своей мак-

симальной глубины, со всей ответственностью поставил вопрос о разработке антикризисных программ национального и международного значения. Они должны охватывать все, что сегодня тревожит, волнует мировое сообщество, ставит под угрозу его элементарное цивилизационное существование. В действующей повестке дня на передний план вышел поиск новой философии мироуправления, которая должна раскрываться в совокупности практических действий государств в сфере дипломатии, включая разработку политических и международно-правовых инициатив, предложений по реформированию миропорядка.

Практически все страны могут внести на основе уважения триады согласованных интересов (национальных, групповых, общемировых) свой индивидуальный и многовекторный вклад в этот процесс.

Обладая значительным внутренним и внешним ресурсом, следуя логике развития миропорядка, проявляя высокую политическую и нравственную ответственность за его сегодняшний и завтрашний день, Российская Федерация в качестве одного из ведущих международных центров самым непосредственным и содержательным образом поддерживает данное направление миростроительства. Наилучший пример долгосрочного и стратегического значения для современного и сложного мира – российская инициатива о новой архитектуре евро-атлантической безопасности. Выдвинутая Президентом РФ Д. Медведевым девять месяцев назад в Берлине (6 июня 2008 г.) идея разработки концепции и текста соглашения о европейской безопасности проходит, скажем откровенно, непростой путь понимания и принятия в зарубежной среде.

Первоначальная реакция наших визави – да, можно поразмышлять на эту тему из Москвы, но мало конкретики. А вообще в Европе все уже сложилось – есть Хельсинский процесс. В ответ объясняли, чуть ли не на пальцах: модель, которая образовалась на континенте, неэффективна, далека от постулата неделимой безопасности. Заметны групповые интересы, блоковое мышление, налицо попытки решить собственную проблему за счет игнорирования потребностей других акторов, имеющих по международному праву возможность быть услышанными и защищенными. Называли примеры – НАТО расширяется на Восток, его инфраструктура приблизилась к границам РФ, обсуждается вопрос о принятии в альянс Грузии и Украины; кризис ДОВСЕ; недотягивает до статуса ведущей структуры в деле обеспечения безопасности ОБСЕ; проблемы с нелегитимным признанием Косово, очевидным игнорированием Устава ООН и резолюции Совета Безопасности в ходе регионального кризисоуправления.

После этого медленно, но развернули общественное мнение и даже официальные позиции многих государств в сторону российской инициативы, ее политическое восприятие как актуальной и адекватной по времени. Существенным аргументом в ее пользу, так получилось, стала агрессивная война Грузии против народа Южной Осетии, убийства российских миротворцев, грубое и неоднократное нарушение режимом М. Саакашвили, поддержанного западными политическими и военными кругами, самих юридических обязательств Грузии как члена ООН, ОБСЕ, СЕ. Принятый в то время по горячим следам событий план Медведева-Саркози не только решал локальные задачи в Кавказском регионе, но и стал тревожным сигналом: нужны эффективные шаги по обеспечению реальной безопасности и в континентальном масштабе. В последующие месяцы высшее российское руководство на разных международных форумах (Эвиан, Ницца, Хельсинки – 2008 г., Мюнхен, Брюссель –

2009 г.) дало конкретизацию идеи Д. Медведева, показало пути ее реализации и перспективы согласования политических волей. Были, в частности, обозначены ключевые смысловые блоки будущего Договора (в первоначальном варианте). Среди них:

➤ юридически обязывающее подтверждение и единообразное толкование базовых принципов безопасности государств и отношений между ними на евроатлантическом пространстве, включая недопустимость применения силы;

➤ гарантии обеспечения равной безопасности государств Евро-Атлантики на основе отказа от обеспечения собственной безопасности за счет безопасности других участников Договора – в полном соответствии с Хартией европейской безопасности;

➤ в русле выполнения обязательств по той же Хартии – реальный отказ от претензий отдельных государств и их групп на эксклюзивное право на поддержание мира и безопасности в Евро-Атлантике;

➤ определение базовых принципов развития режимов контроля над вооружениями, укрепление доверия, сдержанности и разумной достаточности в военном строительстве;

➤ придание нового качества сотрудничеству в противодействии распространению ОМУ, терроризму, наркотрафику и другим видам трансграничной оргпреступности;

➤ выработка единых подходов к принципам, процедурам и механизмам предупреждения и урегулирования конфликтов.

Что мы имеем сегодня в плане публичной реакции на представленную Россией дипломатическую оферту?

Большинство государств – участников ОБСЕ полагают, что российское предложение современное, с ним можно и даже нужно работать (Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Х. Солана отводит на этот период 5-6 лет). В этих целях Президент Франции Н. Саркози выступил с предложением о созыве в середине 2009 года «обычного» саммита ОБСЕ. Действующий

председатель Организации – Греция – озвучила идею проведения в 2009 году встречи высокого уровня для продолжения дискуссии о будущем евроатлантической безопасности. В пользу предметной проработки Договора о европейской безопасности (ДЕБ) неоднократно высказались министры иностранных дел Франции, Германии, Испании, Португалии, Финляндии, Словакии, Турции, Норвегии, Греции, Люксембурга, а также Белоруссии и Казахстана. Рядом стран взята в проработку идея создания «Группы мудрецов» или «Группы друзей» по Договору о европейской безопасности (Германия, Франция). Образование подобной структуры было бы серьезной инновационной инициативой для поиска общих пониманий по ключевым аспектам укрепления трансъвропейской безопасности, для формирования необходимой атмосферы доверия.

Вся эта картина позволяет со сдержанным оптимизмом, но оптимизмом, утверждать, что в дальнейшем, к первой годовщине озвучивания российской инициативы, градус ее признания будет не просто высоким, но и продолжит расти, перейдя в практическую плоскость освоения. Однако мы должны быть готовы и к иным действиям, к иным аргументам, иной тональности в разговоре на эту тему. Таковы сегодняшние реалии. Со стороны Запада, как показали, в частности, наши недавние встречи в рамках правительственной программы «Гости ФРГ» в Брюсселе и Берлине с высокопоставленными лицами в НАТО, Евросоюзе, Бундестаге, МИДе, Минобороны Германии, выдвигается некая площадка встречных претензий и доводов. Они разнообразны. Среди них – учесть опыт ОБСЕ, не разрушать потенциал НАТО, не настаивать на юридически обязательном характере будущего соглашения (под предлогом возможных трудностей ратификации документа). Дело не ограничивается «словесными тезисами». От ряда западных стран и организаций в адрес России раздается требование и иного свойства: позитивных шагов по налаживанию должной атмосферы

переговорного процесса как демонстрации серьезности ее намерений. Ждут возобновления участия в ДОВСЕ, присутствие в котором РФ приостановила на законных международно-правовых основаниях, отказа опять-таки от легитимных действий по признанию независимости Южной Осетии и Абхазии, прекращение политики «энергетического диктата» и т.д. Такое позиционирование не может не настораживать, и его нельзя просто так игнорировать.

Нашим партнерам по системе европейской безопасности следует жестко указывать на очевидное: эффективность нового механизма создается на улице с двусторонним движением. Микроклимат переговоров и элементарная логика взаимодоверия сегодня предполагают однозначно и зримые шаги западной стороны – ратификацию ДОВСЕ новыми членами альянса – Эстонией, Латвией, Литвой, прекращение политики втягивания в него Грузии и Украины, обеспечение гуманитарных стандартов ОБСЕ применительно к русскоговорящему населению стран Балтии, поддержку панъевропейской ПРО, налаживание конструктивных отношений НАТО и ЕС с ОДКБ, СНГ, подготовку нового общеевропейского документа по энергобезопасности и другие действия, которые укрепляют мир и безопасность в Европе.

Большинство государств – участников ОБСЕ полагают, что российское предложение современное, с ним можно и даже нужно работать.

По заявленным позициям Запада следует продолжать работать, используя механизм разъяснений и здравого смысла, что в настоящее время активно делает дипломатия России, включая ее парламентский компонент. Но нашим партнерам следует услышать, воспринять и российские резоны. Так, совершенно очевидно, что согласуемый текст ДЭБ должен включать прямые юридические обязательства. При-

мер Декларации о принципах международного права Хельсинского Заключительного акта 1975 года служит тому подтверждением. Как известно, она обладала в силу компромисса политической природой, соответствовала Уставу ООН, другим юридическим обязательствам стран-участниц (двусторонним и многосторонним), была содержательным документом. Но при этом все-таки не явилась прочным препятствием для региональных конфликтов, не предотвратила сокращение пространства взаимопонимания и гармонизации интересов в Европе, не устранила субъективизм в подходах ряда западных государств к евробезопасности. Сам этот факт говорит о пользе и логике именно полноценного юридического оформления будущих договоренностей. На эту перспективу должны нацеливаться все страны, которые заинтересованы в прочной и эффективной системе безопасности на континенте.

Конечно, никто не собирается отказываться и от накопленного положительного опыта. Он имеется у отдельных государств, у ряда международных организаций – НАТО, ЕС, ОДКБ, СНГ и иных структур, которые по российскому подходу должны подключиться к дискуссии и выработке приемлемых решений. У внешней политики России открытый, хотя и объективно критический взгляд

на деятельность действующих в поле европейской архитектуры институтов. Но это не курс по вектору «анти» в отношении США, Евросоюза, Североатлантического блока и других субъектов. Мы – за собрание на легитимной и взаимоуважительной основе всех достижений, позитивных идей, за полноформатный мониторинг накопленного. С учетом этого возрастает роль творческого и ответ-

ственного суверенитета государств, содержательного и структурированного международного общения в целом на базе соблюдения императивных норм и принципов современного международного права. Уверен, что сегодня через деятельность и взаимное сотрудничество органов государственной власти (законодательной и исполнительной), усиленную реакцию МИДов всех заинтересованных стран, благодаря соответствующей настройке международных организаций, мы можем выстроить линию на политическое и цивилизационное стимулирование поведения европейских акторов в пользу российского предложения. Это будет также существенным вкладом в консолидированное решение проблем европейской и мировой безопасности. Правильность такого взгляда подтверждается двумя актуальными фактами последнего времени.

Первый – инициатива министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмаера о проведении в июне 2009 года международной конференции по судьбе ДОВСЕ. Второй – опубликование на днях в Вашингтоне доклада Комиссии по американской политике в отношении России (директор-президент Центра Никсона Дм. Саймс), который четко рекомендует новой президентской администрации Б. Обамы установить новые правила европейской и евразийской безопасности, подключившись к работе над реализацией идеи Д. Медведева вместе с НАТО и Евросоюзом. Инициатива российского лидера обозначена как «хорошая возможность» для внешнего прогресса. Думается, на скорой встрече двух президентов РФ и США 1 апреля 2009 года в Лондоне могут прозвучать сильные дипломатические оценки российского проекта, который реально становится интернациональным, трансграничным.

Таким образом, можно признать начало процесса создания организационно-дипломатических и международно-правовых предпосылок для перевода всей деятельности по материализации предложения главы Российского государства в практическое русло полномасштабных дискуссий и переговоров.

СУДАН: В СУД — ЗА «АФРОПЕССИМИЗМ»

**БОРИС
ПОДОПРИГОРА,
ЭКСПЕРТ**

*Этим экзотическим
словом
на Западе
называют
суммированные
ожидания
от самого
экзотического
материка планеты.*

Но Судан даже в Африке считается символом неисправимой цивилизационной запущенности. 40-миллионная

ко как обширнейшая в Африке демаркированная территория — представляет интерес для близких и особенно дальних соседей. Выход к стратегически важному

вилься установлению дипотношений между Суданом и Советским Союзом, усматривая в этом попытку Москвы «зайти на Ближний Восток с задней калитки».

Последние годы в число наиболее активных мировых и региональных игроков на суданское поле вышел Китай.

Запасы суданского энергосырья оцениваются по-разному.

по населению республика более 20 лет не выходит из кровавой круговерти, ставящей под вопрос статус страны. Унаследованное из прошлого внутреннее и внешнее размежевание по колониальной «линейке», «полуколониальная подвязанность» под «старших братьев»-египтян, стойкий антагонизм между арабским большинством и чернокожими племенами Юго-Запада, вопиющие экономические диспропорции при относительной скудности природных ресурсов — все это усугубилось разломом по линии: традиционный ислам — исламский фундаментализм.

Вместе с тем Судан — не столько как государство, сколько

животворящей артерией, плюс мировое производство сока здешней акации — гуммиарабика (универсальной пищевой добавки —

Не менее показательное немедленное и солидарное «западно-исламистское» свержение в 1971 году единственного суданского лидера — некоего майора Хашема эль-Атты. Его поддержала Москва за провозглашение «антиимпериалистического курса» страны. Впрочем, и наиболее харизматичный в прошлом руководитель Судана — Нимейри, и ее нынешний — с 1989 года — президент Омар аль-Башир одновекторных геополитических пристрастий не обнаружили, рассчитывая на многоканальную помощь со стороны всех, кто способен дотировать суданскую государственность.

Сам факт Международного суда над действующим главой государства беспрецедентен.

от печенья до кока-колы) — вот в чем состоят не менее очевидные достоинства Судана.

Малоизвестен, но примечателен факт: после обретения страной независимости в 1956 году Запад весьма энергично проти-

В последние годы в число наиболее активных мировых (США, Евросоюз) и региональных (Египет, Ливия) игроков на суданское поле вышел Китай — энергичный разработчик здешних нефтегазовых месторождений, а

еще больше – их популяризатор. А мифы, как известно, мобилизуют не меньше, чем реальность. Кстати, и Иран, зримо набирающий экономический вес, тоже настойчиво претендует на кураторство над суданскими единоверцами.

образом, нефтетранзит через мятежные провинции.

4 марта 2009 года Предсудебная палата (т.е. скорее политико-представительский, чем собственно юридический орган) Международного уголовного суда выдала ордер на арест Президента Судана

Иран тоже настойчиво претендует на кураторство над суданскими единоверцами.

Запасы суданского энергосырья оцениваются по-разному. Официально Судан занимает в мировом списке не самое лакомое 37-е место. Другое дело, что значительная их часть сосредоточена в западной части страны, известной как Дарфур. Поэтому нескончаемый дарфурский конфликт предстает «Суданом» в Судане. Но что примечательно: от 200 тысяч погибших «федералов» и «повстанцев» (по другой версии – в 3-5 раз больше) вкуче с 1,5-2 миллионами беженцев нефтедобыче особенно не мешают. Ибо все участники конфликта, с одной стороны, идейно-политически разобщены: «федералы» «спорят» о роли ислама, повстанцы не определились с целями борьбы – за экономические преференции или независимость? С другой стороны, все они зависимы от худобно котируемых доходов с нефтедобычи. Суданским феноменом является их распределение

Омара аль-Башира. В ордере содержатся семь пунктов обвинения, касающихся преступлений против человечности, а также военных преступлений: убийства,

го поста. Более того, силовое задержание аль-Башира (например, миротворцами) предсказуемо вызовет не только общенациональный, но и общеисламский протест против вероломства «крестоносцев» (они же – нефтедобытчики). Кстати, в начале 90-х годов Усама бен Ладен не только нашел здесь приверженцев, но и был на пути консолидации страны под знаменем «Аль-Каиды». Во всяком случае Западу явно не к чему продлевать «антитеррористический фронт» со Среднего Востока до Африки. Аль-Башира, скорее всего, предупредили в логике «кадрового афропессимизма». Предупредили по поводу последствий дружбы с Пекином и симпатий к Тегерану, поддержки – в прошлом – Саддама и неговорчивости в ценах за нефть и по составу миротворцев.

То обстоятельство, что экономическое развитие африканских стран находится на ужасающе низком уровне, делает их скорее не субъектами, а объектами мировой политики.

насильственные депортации, пытки, нападения на гражданское население, грабежи. Обвинений в геноциде пока не предъявлено. Большинство членов Предсудебной палаты сочли недоказанными намерения суданского лидера уничтожить три этнические

группы населения Дарфура: Фур, Масалит и Загава.

Африка, несмотря на «афропессимизм», представляет собой один из центров схватки за мировое господство.

по «слоеному» государственно-кланово-племенному принципу. 22 тысячи ооновских миротворцев, по крайней мере, официально допущены в Дарфур, но особой умиротворяющей роли не играют, обеспечивая, главным

Сам факт Международного суда над действующим главой государства беспрецедентен. Даже Милошевич, прежде чем он попал в Гаагу, остался без государственно-

Реально же Африка, несмотря на «афропессимизм», представляет собой один из центров схватки за мировое господство. Она продолжается уже полтысячелетия – с эпохи Великих географических открытий. Сначала привлекательность колониальных владений измерялась количеством поставляемых оттуда рабов, позже – вывоза колониальных товаров. Во второй половине XX века на смену этим критериям пришли другие – потенциал разработки месторождений, прежде всего углеводородов. Естественно, то обстоятельство, что экономическое развитие африканских стран находится на ужасающе низком уровне, делает их скорее не субъектами, а объектами мировой политики. Но в суданском случае – это еще и показатель расстановки сил в борьбе держав XXI века. □

ПРИБАЛТИЙСКАЯ МОЗАИКА

БОРИС ОХТИНСКИЙ,
ЭКСПЕРТ

**Три не самых заметных
события конца 2008 года
вновь напомнили
о подходе ряда
восточноевропейских
стран к России.**

**Симметрия ответа
на пакостливость**

Латвия и Литва в очередной раз посчитали ущерб, нанесенный им «советской оккупацией». Украина добилась европризнания голодомора преступлением против человечности.

Латвийская государственная Комиссия по оценке последствий тоталитарного режима оценила «прямые демографические потери в размере 10 миллионов человеко-лет». По латвийской методике, их страна «потеряла национальный доход, который один условный человек может сформировать примерно за 10 миллионов лет. В частности, в результате депортаций в 40-х годах прошлого века было потеряно 742 тысячи человеко-лет, при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС – около 29 тысяч человеко-лет, в ходе войны в Афганистане – 5,2 тысячи». «Методистов» не смутила собственная ссылка на то, что «данные о периоде с 1940 по 1959 год оказались фрагментарны и малодостоверны, так как советский режим тщательно скрывал преступления». «Малодостоверность» статистики за 20 из 50 лет ЛатССР компенсирована презумпцией нашей вины, по-видимому, за отсутствие у нынешней Латвии статуса сверхдержавы.

Нам пообещали к «миллионам человеко-лет» присовокупить еще

«демографические и экономические убытки от слишком большого и быстрого притока жителей, затрагивающих сферу жилья и другой инфраструктуры для их потребностей, долгосрочное влияние на воспроизводство и возрастной состав населения, выплату пенсий после восстановления независимости». Оцените логику: Латвия так изнывала от тоталитарного гнета, что сюда тянулось население со всего Советского Союза. Поэтому создание приезжими «жилья и другой инфраструктуры» губительно сказалось на сегодняшней Латвии. И еще: если бы ликвидация аварии на украинской АЭС обошлась без ее «29 тысяч человеко-лет», то отсутствие «латышской заплатки» на реакторе обещало Янтарному краю и прочей Европе скорейшее освобождение от тоталитаризма. Методику своих подсчетов латыши обязались распространить на всех пострадавших от Москвы.

инициировать соответствующие переговоры с Россией.

Пока эстонцы выбирают, по какой методике получать компенсацию им, а поляки прикидывают, чем обернется дело, Европарламент принял резолюцию, состоящую из двух пунктов. По главной из них голодомор признан преступлением против человечества, значит, и украинского народа. По второму пункту об этом сообщили руководству Украины, а также ООН, ОБСЕ и Совету Европы. Стала ли резолюция политическим подарком для Ющенко, объявившего 2008 год Годом памяти жертв голодомора, судить ему. Законопроект об уголовной ответственности за отрицание голодомора как разновидности геноцида уже готов. Хотя, если вчитаться в текст резолюции, в ней ничего не говорится об исключительной жертвенности украинцев. Годом ранее ЮНЕСКО также отказалась считать голодомор геноцидом.

**Латвийская государственная
Комиссия по оценке последствий
тоталитарного режима оценила
«прямые демографические потери
в размере 10 миллионов
человеко-лет».**

Литовцы этой методике, судя по всему, не постигли. Поэтому без затей оценили свою ущербность в 23 миллиарда евро. Это на 57 миллиардов меньше, чем определил 8-летней давности закон «О возмещении ущерба от оккупации СССР». Но теперь литовцы рассчитывают получить все до цента, ибо Вильнюс и так скопил Москве больше двух третей «оккупационного долга». Поэтому парламент обязал правительство

Голодомором называют массовый голод на территории СССР в 32-33 годах прошлого века. Он затронул Украину, Северный Кавказ, Южный Урал, а также Нижнее и Среднее Поволжье, Центральную черноземную область, Казахстан, Западную Сибирь. Масштабы человеческих жертв могут быть оценены лишь приблизительно. По оценке Госдумы России, на территории СССР «от голода и болезней, связанных с

недоеданием, в начале 30-х годов погибло около 7 миллионов человек. Причиной тому явились репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок, усугубившие тяжелые последствия неурожая 1932 года».

В случаях с депортацией и голодомором политическая игра столь же кощунственна, сколь и бессмысленна. Требования к Москве в смысле материальной компенсации за все трагическое, что происходило в период 1917-1991 годов, – юридически бесперспективны.

тики советского периода поставит вопрос как минимум о законности территориальных приобретений тех же украинцев или прибалтов. Приобретений, полученных из рук, заметьте, «преступного режима», но от которых никто из них не отказывается.

В-третьих, подведение права под «избранные» исторические сюжеты грозит юридическими последствиями самим соискателям московских компенсаций. Так, в 1987 году численность латышей в Латвии составляла 52 процента населения, а их удельный вес

царство правопреемником Киевской Руси, тогда, скорее, украинцы оккупировали Россию... И не задолжали ли нам чего польско-литовские интервенты? Тем более что в Варшаве некоторые убеждены, что последний законный властитель в Москве – это польский королевич Владислав. Вот и взывайте с «ягеллонов»! Что взять с России, правители которой уже под 400 лет пребывают в «ереси самозванства»?

В-шестых, Россия тоже может посчитать «человеко-годы», жертвованные ею в обеих мировых войнах. Оставим историкам юридически двусмысленное обретение прибалтами независимости в 1918-1920 годах – фактически из рук Германии, виновной в развязывании Первой мировой и побежденной тогдашними «евродемократиями». Но в созданных фашистами формированиях воевали свыше 400 тысяч бендеровцев, 104 тысячи латышей, 37 тысяч литовцев, 10 тысяч эстонцев. Они что – уже возместили правопреемнику СССР «прямые демографические потери»? А если до гвоздя посчитать, что «правопреемник» оставил ранее «угнетенным», евроактивов может не хватить...

Даже политическое пакостничество не перечит житейской максиме: «Глупец ищет друзей далеко, а врагов – рядом».

Россия – зарубежным соотечественникам: политика или рефлексия?

Государственное признание российских соотечественников за рубежом подтверждается названием структур Госдумы, Совета Федерации, Правительства и МИД РФ, а также наличием двух, впрочем не равноценных, профильных институтов – затулинского и пантелеевского (кстати, зачем два?). Казалось бы, налицо не только озабоченность судьбами наших зарубежных сограждан, но защита их, а заодно и государственных интересов в любом по удаленности зарубежье. В этом же убеждают регулярно созываемые конгрессы соотечественников. Впрочем, их медийное освещение нередко ограничивается слащавыми

Пока эстонцы выбирают, по какой методике получать компенсацию им, а поляки прикидывают, чем обернется дело, Европарламент принял резолюцию.

Во-первых, навязываемая тождественность коммунистического Советского Союза фашистской Германии основанием для претензий к Москве быть не может. Германия заплатила контрибуцию как страна, потерпевшая поражение во Второй мировой. Ее правящая элита, а заодно фашистская идеология осуждены Нюрнбергским трибуналом, но ни родственники, ни единомышленники Гитлера никому не заплатили ни пфеннига. Если кто-то хочет осудить советский режим или коммунизм, то в первом случае он волен от своего или коллективного имени сделать заявление у Кремлевской стены. Во втором – придется объявлять вне закона как минимум Китай. Россия же унаследовала от СССР государственность, а не правящий режим.

Во-вторых, если кто-то докажет обратное, то «злодею» и «жертвам» придется вернуться в исходное положение. То есть к 1917 году. Согласятся ли прибалты с украинцами оказаться в составе Российской империи, и не абсурдно ли это по сути? То же – и с оккупацией. Демонтаж поли-

во всех партгосструктурах – до 80 процентов. Если же эти власти оставались оккупационными, как же они в 1991 году приняли решение о выходе из Советского Союза? А если приняли, будучи коллаборационистами, то насколько оно законно?

В-четвертых, при настойчивости потомков «жертв тоталитаризма» Москва будет вынуждена расширить их список за счет российских соотечественников. Встречный иск может быть предъявлен не усопшим партфункционерам, а их наследникам в странах, претендующих на свою эксклюзивную жертвенность. В хронике «оккупации» XX века целых 58 лет (1924-1982 гг.) «Москвой правили» выходцы из Грузии да Украины. То же и с латышами. Они не только охраняли вождя мирового пролетариата, но и пустили в расход тысячи русских «белобандитов».

В-пятых, избирательное толкование преемственности заставит и нынешнюю Москву усилить значение своей петербургской, а затем и «старомосковской» предыстории. Если считать московское

интервью с потомками «князей Голицыных» либо приуроченным к форуму возвращением на Родину праха или реликвий, принадлежащих обладателям громких фамилий. То же и – с периодически повышающимся вниманием к наименее благополучным соотечественникам – в странах Балтии. На фоне «бронзовых» событий в Таллине или вокруг русских школ в Латвии и Эстонии СМИ создают впечатление устойчивого, пусть и не всегда эффективного влияния на ситуацию. Не будем никого разубеждать. Приведем лишь информацию к размышлению.

В случаях с депортацией и голодомором политическая игра столь же кощунственна, сколь и бессмысленна.

Недавно в Калининграде состоялась международная конференция «Балтийское гуманитарное измерение: стандарты и реальность». Международный формат форуму задало приглашение на него соотечественников, безусловно расширивших представление участников о положении русского населения в странах постсоветского пространства. Вторым, не менее оправданным, субъектом взаимодействия выступили представители органов российской власти, представленной на уровне третьих лиц. Так, не самое убедительное выступление представителя МИД РФ оставило вопрос: если руководство страны не видит повода для принятия целевой программы мер, то зачем оно поддержало конференцию, обещавшую весьма острые упреки Москве? Если тревожность положения очевидна и в Москве, то непонятно, почему фактическим организатором мероприятия выступило не самое авторитетное Движение в поддержку флота? Ему это мероприятие, разумеется, делает честь, а заодно и позитивную рекламу. Вопрос в другом: не состоит ли политика по отношению к соотечественникам в том, чтобы периодически выпускать пар,

не переводя дело в плоскость системных государственных решений? Аналитикам очевидно, что разговор мог быть конструктивным лишь при участии в нем юристов из стран проживания наших соотечественников. Плюс – представителей правозащитных и прочих структур Запада, на которых эти юристы ориентируются. В нашем же случае «жилетка» организаторов форума оказалась мокрой, а с оценкой его действительности повременим.

Поддержим все-таки мидовца в той части его выступления, в которой обосновывалась

актуальность «мегаконцепции русского мира». Он охватывает почти 1,7 миллиона наших соотечественников из 82 стран. Речь же следовало бы вести не только о 15 миллионах долларов, предусмотренных трехлетней программой (судя по докладу – на проведение похожих конференций), но и о месте этой концепции в доктрине внешней политики России. Скажем больше: дискуссия по содержанию, но изначально важна увязка названной доктрины с другой – внешнего позиционирования страны. Тем более что по опыту стран, активно работающих со своими зарубежными диаспорами (Китай, Индия, Израиль), тема поддержки соотечественников зачастую выгодно характеризует их историческую родину. У нас же внешнепропагандистская функция по существу передана Министерству экономического развития и торговли. Близки ли проблемы соотечественников профилю министерства?

Поясним, в чем видится отличие концептуального отношения к соотечественникам от принятия пусть даже оперативных мер по всем азимутам. В основе концепции должен лежать идейно и политически ориентиру-

ющий принцип приоритета главной задачи. Что ею станет? Сохранение и развитие зоны распространения русского языка? Или содействие в укреплении бизнес-связей среди русскоязычных соотечественников – с их выходом на российский же рынок? Не здесь ли важны и аудит, и системный прогноз?

Судя по выступлениям более 50 докладчиков, представляющих почти столько же структур наших, в основном «балтийских», соотечественников, «русский мир», остающийся не только без концептуального осмысления, но и внятных подходов со стороны уполномоченных на то российских госорганов, являет собой непаханое поле, к тому же подернувшееся сорняками. Какой смысл перечислять частные вопросы, обращенные не столько организаторам и участникам конференции, сколько российским властным структурам «не флотского», а «космического» уровня. Много ли даст перечисление эпизодов юридической русофобии и политического хамства со стороны никого не удивляющих на этот счет столиц государств Балтии? Чего стоит не попавший в СМИ фрагмент латвийской нормативной практики, когда 9 мая бывшему советскому контр-адмиралу полиция энергично предложила на месте спорить на рукавные звезды с вышитым внутри них серпом-молотом? А если бы в Юрмале оказался иностранный дипломат-коммунист с таким же значком на лацкане, что ему предложили бы отрезать? Но главная тема, высвеченная форумом, состоит в том, что даже эффективное реагирование российских, прежде всего дипломатических, органов на частности не изменяет главного – самоощущения «забытости» тех, кто в Прибалтике, Крыму, Молдавии, Казахстане и Киргизии считает себя нашими соотечественниками.

Понятно, что централизованная забота российской власти о советских ветеранах войны и военной службы представляется политикозадающим направлением в деятельности наших госструктур, прежде всего диппредставительств и чиновников международных

организаций. Ибо, во-первых, многие из этой категории ветеранов 16 лет назад стали социальными изгоями среди восточноевропейских «демократов»-неофитов. Через 5-10 лет заботиться будет не о ком. Во-вторых, именно эта часть наших сограждан самозабвенно служит интересам России,

«соотечественность» или российское бездушие? Если сегодня за этим не видеть политики, то завтрашняя волна русофобии будет исходить и от носителей фамилий на -ов и -ин. А внутривидовая «ожесточенность» – острее и назидательнее межвидовой. И примеры тому уже есть.

кое содействие многочисленным филиалам русских общин, многие из которых требуют по существу уже конфликтологической помощи. В Литве – 68 организаций русскоязычных граждан, в Эстонии и Латвии – от 20 до 40. Навязывать организационные модели извне – не только противозаконно, но и бесперспективно. Но сотней подобных организаций легче манипулировать, чем десятком. Что и делается под освященными прибалтийскими, а теперь и украинскими властями лозунгами «деполитизации-европеизации» местных этнических структур. Конечно же, среди них останутся такие, кто и впредь будет довольствоваться организацией школьных экскурсий в Питер и Москву, – при общей лояльности правящим в своих странах элитам.

Подведение права под «избранные» исторические сюжеты грозит юридическими последствиями самим соискателям московских компенсаций.

представляя ее внутри сообществ стран проживания. В-третьих, международное право наиболее прописано в части, касающейся ветеранов Второй мировой. В чем тогда состоит влияние на еврофемиду, а заодно на прибалтийских ниспровергателей «бронзовых Алеш» со стороны многочисленных отечественных комитетов и советов – бюджетных в том числе? Неужели не поддается ни правовому, ни экономическому решению сквозной вопрос, задаваемый дедушками с орденами Великой Отечественной: когда можно будет на льготных условиях навестить поле главного для них боя под Ржевом или внука в Питере? И не платить за это по 35 евро – в каждую сторону. Речь идет скорее уже о сотнях заинтересованных лиц, чем о тысячах. Здесь же частности: почему ни один латвийский ветеран войны не получил юбилейной награды к 60-летию Победы? В чем состоят приоритеты российских архивных служб, если ветеранам в Прибалтике не удается получить сведения о советских воинских захоронениях на этой земле? Ветераны подсказывают ответ: потому что российские бюрократы ожидают, что эти вопросы снимутся естественным образом. Но у ветеранов-«прибалтов» (и не только) на этой земле останутся внуки и правнуки. Что, кроме семейной памяти, они сохранят в своих душах – российскую

Второе направление принятия мер востребует явочная маргинализация русскоязычного населения, политически задаваемая властями некоторых стран Балтии. Так, в Эстонии русские составляют 94 процента безработных, по 80 процентов наркоманов и больных СПИДом. Острота положения требует национально-опосредованной программы помощи в профподготовке и социальной реабилитации сограждан по ту сторону границы. Тем более что в Эстонии и частично Латвии профессиональное сообщество имеет весьма выраженную национальную окраску. Можно ли считать достаточными 50-55 мест в российских вузах, по ежегодным квотам выделяемых почти на миллионное русскоязычное население Латвии?

Логично предположить, что открываемые в прибалтийских городах Русские дома (Дома Москвы) ориентированы на интересы предпринимательских кругов, во всяком случае тех, кто их содержит. Но эта категория сограждан при всей своей политической – для России – перспективности составляет меньшинство. Кому уделить предпочтительное внимание: успешному меньшинству или «неприкаянному» большинству? Тем более что первые быстрее становятся «гражданами мира», чем вторые, в массе сохраняющие русскую идентичность.

Наконец, третье направление – это правовое и посредничес-

Проблема видится в «детских» культуре и опыте политического позиционирования диаспор в обществах своих стран. Одни структуры, считающие себя более «патриотичными», добиваются выдачи им Москвой своеобразных «лицензий» в виде удостоверений соотечественника. В них они усматривают не только способ распознавания по типу «свой-чужой», но и заявку как минимум на льготный билет в Россию, максимум – на уполномоченное (?) представительство интересов России в стране проживания. Другие ограничивают свою роль правозащитным мониторингом, перепоручая Москве защиту своих интересов. Есть и такие, кто при разной степени сопричастности к прародине ищет себя, скорее, в европейском политическом, а желательно и экономическом пространстве. Им Москва нужна в качестве лоббиста, а лучше – бизнес-посредника. Сегодня в отсутствии концептуальной вертикали и политического целеполагания никто не скажет, кто перспективнее для самой Москвы. Но ее роль, наверное, в том и состоит, чтобы никого не потерять, но всех приблизить к своим целям.

Если этим оправдан созыв калининградской конференции, то... «слава флоту России!»

КАК НАШИ ЗАКОНОДАТЕЛИ РАДЕЮТ О ЗДОРОВЬЕ НАРОДА

**ГРИГОРИЙ
ТИНСКИЙ,
ЭКСПЕРТ**

*Государственная Дума
Российской Федерации
приняла закон,
декриминализирующий
неоказание помощи
больному.*

Качество и направленность законодательных новелл, принимаемых в последнее время Государственной Думой, вызывают множество вопросов. Единодушие, с которым депутаты сразу в двух чтениях приняли проект закона, отменяющего часть 1 статьи 124 УК РФ, вызывает уже не вопросы, а негодование. Но – обо всем по порядку.

В Уголовном кодексе Российской Федерации существует статья 124. Вот как она выглядит до тех пор, пока изменения, принятые Государственной Думой 11 марта, не вступили в силу.

Статья 124.

Неоказание помощи больному

1. Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, – наказывается штрафом в размере от 50 до 100 минимальных размеров оплаты труда, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо исправительными работами на срок до 1 года, либо арестом на срок от 2 до 4 месяцев.

2. То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью, – наказывается лишением свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового.

действие умышленно, и легкомыслие либо непредвидение общественно опасных последствий его отказа вообще не имеет отношения к данному составу преступления. Исследователями коррупции в современном российском обществе медицина отнесена к одной из самых коррумпированных отраслей. Наиболее

**Врач, отказывающий пациенту
в медицинской помощи,
совершает это действие умышленно,
и легкомыслие либо непредвидение
общественно опасных последствий
его отказа вообще не имеет
отношения к данному составу
преступления.**

Надо сказать, что и в этом виде статья 124 вызывала множество вопросов с точки зрения юридической техники, здравого смысла и соответствия этой правовой нормы социальным реалиям. В уголовном праве неосторожность рассматривается как самостоятельная форма вины, менее опасная по сравнению с умыслом.

Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. Врач, отказывающий пациенту в медицинской помощи, совершает это

распространенным мотивом отказа в помощи больному является требование врачом незаконного материального вознаграждения, а такой мотив вообще не вписывается в конструкцию части 1 статьи 124 УК РФ.

Следует отметить, что в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года статья 128 была сформулирована гораздо более грамотно.

Статья 128.

Неоказание помощи больному

1. Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать по закону или по специальному правилу, – наказывается исправительными работами на срок до 1 года, или штрафом до одного минимального месячного размера оплаты труда, или общественным

порицанием, либо влечет применение мер общественного воздействия.

2. То же деяние, если оно повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие для него последствия, – наказывается лишением свободы на срок до 2 лет с лишением права заниматься профессиональной деятельностью на срок до 3 лет.

Легко заметить разницу в диспозициях того же состава преступления: Советский кодекс предусматривал так называемый формальный состав преступления, то есть преступлением признавался сам факт неоказания помощи больному, независимо от наступивших последствий, и только вторая часть статьи предусматривала повышенную ответственность в случае наступления тяжких последствий.

Невозможно пройти мимо социальных последствий отмены части 1 статьи 124 УК РФ. В условиях роста безработицы и, соответственно, социального напряжения в стране неизбежно будет увеличиваться число граждан, не имеющих полисов обязательного медицинского страхования. Это обстоятельство будет создавать дополнительные

выступил опытный юрист-практик, доктор юридических наук, заместитель председателя комитета Государственной Думы

В частности, Федеральным законом № 162-ФЗ уголовная ответственность за причинение по неосторожности вреда средней

Исследователями коррупции в современном российском обществе медицина отнесена к одной из самых коррупцированных отраслей.

Виктор Илюхин. Приложенная им к проекту Закона пояснительная записка не выдерживает никакой критики:

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 124 Уголовного кодекса Российской Федерации»

Целью предлагаемого законопроекта является дальнейшее совершенствование Уголовного кодекса, устранение выявленных противоречий и несоответствий.

тяжести здоровью человека из Особой части Уголовного кодекса исключена.

Принцип отказа от наказуемости причинения по неосторожности вреда средней тяжести здоровью должен прослеживаться по всему тексту Уголовного кодекса.

Настоящий законопроект решает проблему декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью при обстоятельствах, предусмотренных статьей 124 УК.

Ссылка на унификацию уголовного законодательства, приведенная в записке, бессмысленна, поскольку медицинский работник является специальным субъектом уголовного права, а упоминать о гуманизации в данном контексте вряд ли корректно. Остается только предположить, что инициатива депутата В. Илюхина является элементом политической линии КПРФ, членом фракции которой он состоит, и направлена вопреки интересам населения страны сознательно, по принципу «чем хуже, тем лучше».

Невозможно не коснуться и морально-этического аспекта декриминализации неоказания помощи больному. Как принятый Думой проект Закона согласуется с клятвой Гиппократова и христианскими заповедями (например, не убий)?

Хочется надеяться, что, мягко говоря непродуманная, инициатива Думы будет остановлена в Совете Федерации. Если же нет – вся надежда на вето президента.

В условиях роста безработицы и, соответственно, социального напряжения в стране неизбежно будет увеличиваться число граждан, не имеющих полисов обязательного медицинского страхования.

возможности для отказа в оказании медицинской помощи таким лицам. Как все это согласуется с приоритетным национальным проектом в области здравоохранения и с демографическими проблемами России?

Как минимум удивление вызывает тот факт, что инициатором изменения статьи 124 УК

В связи с принятием 8 декабря 2003 года Федерального закона № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», направленного на гуманизацию уголовно-правовых норм, появилась необходимость согласования всего текста УК с основными нормами данного закона.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОБЪЕКТА ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

**Людмила ГЛОБА-ПАСТУШКА,
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Проблемы определения глобальной энергетической безопасности как объекта преступных посягательств во многом зависят от того, что понимается под международной (глобальной) энергетической безопасностью, которая представляет собой сложное, многоплановое явление.

В этом явлении выделяются такие тесно взаимосвязанные факторы, как ресурсно-сырьевой, военно-политический, финансовый, экологический и технологический. Правильное понимание глобальной энергетической безопасности во многом зависит от глобальных проблем, присущих энергетической сфере мировой экономики, к которым относятся не только истощение сырьевых ресурсов, загрязнение окружающей среды и изменение климата, а также растущая преступность на национальном уровне различных стран и ее дальнейшая интернационализация. Указанные причины оказывают непосредственное влияние не только на международное сотрудничество в борьбе с преступностью, но и на понимание международной энергетической безопасности как объекта преступных посягательств.

На эффективное противодействие преступным проявлениям в сфере глобальной энергетической безопасности оказывают негативное воздействие разночтения в определении энергетической безопасности, на уровне трех основных субъектов, образующих систему глобальной энергетической безопасности. К этим субъектам относятся промышленно развитые страны, объединенные в Международное энергетическое агентство (МЭА), страны – члены ОПЕК и независимые производители энергоресурсов, имеющие в значительной степени полярные подходы к обеспечению энергетической безопасности уголовно-правовыми мерами и в понимании механизма образования преступных последствий (причинения вреда объекту) в системе глобальной энергетической безопасности. Причем Россия, входящая в разряд независимых производителей энергоресурсов, в решении проблем энергетической безопасности сочетает подходы, свойственные как странам-импортерам, так и экспортерам энергетических ресурсов.

Рассматривая глобальную энергетическую безопасность как объект преступных посягательств, нельзя не отметить, что в условиях интернационализации права вопросы соотношения частного и публично-го в праве, особенностей уголовно-правовой охраны частных и публичных интересов, определения непосредственного объекта преступления при посягательствах, нарушающих или создающих угрозу нарушения общественных и частных интересов в энергетической сфере, являются важнейшей тео-

ретической проблемой, исследуемой уже не одно десятилетие, но до сих пор не решенной окончательно. Поэтому глобальная (международная) энергетическая безопасность как система совместных мероприятий государств, включающих совокупность норм, регулирующих взаимодействие международных институтов и отдельных государств в области обеспечения всеобщей энергетической безопасности, должна включать в первую очередь превентивную деятельность по предотвращению угроз данному виду безопасности мерами уголовно-правовой охраны. Как правильно отмечают И. Лукашук и Г. Шинкарецкая, «безопасность каждого государства неразрывно связана с безопасностью всех остальных государств» [1].

В настоящее время отношения, складывающиеся в сфере глобальной энергетической безопасности, пока еще не стали предметом жесткого международного регулирования, находятся за рамками правового регулирования и уголовно-правовой охраны. Они по-прежнему остаются в основном объектом идеологической оценки на национальном и наднациональном уровнях власти и управления. В данных условиях национальное уголовное право становится важным инструментом защиты рассматриваемых общественных отношений.

В условиях правового вакуума, несмотря на свой, казалось бы, сугубо теоретический характер, проблема определения глобальной энергетической безопасности в качестве объекта преступных посягательств имеет несомненное практическое значение. Это находит свое выражение, в частности, в том, что определение глобальной энергетической безопасности как объекта

преступления является важнейшим этапом в политико-правовой оценке деяний, запрещаемых уголовным законом под угрозой наказания. Таким образом, определение объекта и содержания составов преступлений, совершаемых в рассматриваемой сфере общественных отношений, имеет не только доктринальное (теоретическое и методологическое), но и огромное социально-политическое значение в борьбе с преступностью на современном этапе ее развития [2].

также непосредственных объектов уголовно-правовой охраны. Поэтому использование категории «интерес» для характеристики глобальной энергетической безопасности как объекта уголовно-правовой охраны является новым и актуальным направлением развития науки энергетической безопасности и уголовного права.

Именно интересы различных участников (субъектов) в сфере глобальной энергетической безопасности в первую очередь служат объектом посягательства. Все

глобальной энергетической безопасности, уголовно-правовой охране подлежит не общественное отношение в целом, а законные интересы государств, межгосударственных организаций, физических и (или) юридических лиц, а равно интересы общества и государства, лежащие в основе социальных связей, образующих общественные отношения. Причем в том случае, если объект уголовно-правовой охраны урегулирован другими отраслями права (юридически оформлен), его содержание определяется с учетом предписаний регулятивных норм, устанавливающих правила реализации интересов участников соответствующих правоотношений.

Учитывая зарубежный опыт, все-таки следует принять во внимание тот факт, что в науке российского уголовного права в основном воспринимается ключевой тезис о том, что объектом уголовно-правовой охраны является общественное отношение. В связи с этим, необходимо уточнить терминологию, а именно, содержание терминов «глобальная энергетическая безопасность как объект уголовно-правовой охраны» и «глобальная энергетическая безопасность как объект преступления». В частности, наиболее обстоятельно по поводу неотждественности рассматриваемых понятий высказался Ю. Демидов: «Понятие объекта уголовно-правовой охраны не идентично понятию объекта преступления. По своему объему первое понятие шире второго» [5].

Полностью согласившись с изложенной точкой зрения Ю. Демидова, мы также добавим, что понятие глобальной энергетической безопасности как объекта уголовно-правовой охраны является первичным относительно понятия «объект преступления». Дело в том, что изначально международное право и уголовный закон берут под свою охрану соответствующие интересы в энергетической сфере, и лишь потом они становятся объектом преступления (в случае преступного посягательства на них) или могут не становиться им вовсе (в случае их нарушения при отсутствии должного нормативно-правового регулирования).

Интересы различных участников (субъектов) в сфере глобальной энергетической безопасности в первую очередь служат объектом посягательства.

Адаптируя к рассматриваемой проблематике существующие в юридической литературе позиции различных авторов, необходимо признать, что при определении глобальной энергетической безопасности в качестве объекта преступных посягательств за основу следует взять сложившуюся еще в советский период практически общепринятую позицию, согласно которой объектом уголовно-правовой охраны являются общественные отношения [3].

Безусловно, все это, в первую очередь, требует глубокого анализа существующих подходов и выработки определенной концепции в понимании глобальной энергетической безопасности как объекта преступных посягательств. Думается, что социолого-философская категория «интерес» в сфере глобальной энергетической безопасности как нельзя лучше отражает то, чему в конечном итоге причиняют вред общественно опасные и запрещенные уголовным законом деяния. Это подтверждается и положениями УК России, в статьях которого термин «интерес» используется в большинстве случаев, прежде всего, для характеристики общего, родовых, видовых, а

остальные элементы общественного отношения, кроме интереса, играют роль факультативных признаков состава преступления: субъект – это потерпевший, а конкретные предметы материального мира, по поводу которых возникают общественные отношения, – это предмет преступления. Поскольку наличие факультативных признаков состава преступления в сфере глобальной энергетической безопасности не всегда необходимо для признания деяния преступным, лишь нарушенный интерес сохраняет свое значение в качестве обязательного элемента состава преступления – объекта уголовно-правовой охраны.

Следует отметить, что как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности различных стран [4] понятие «законный интерес», или употребляемый в том же смысле термин «интерес», активно используются в большинстве случаев для характеристики непосредственного объекта энергетической безопасности, в то время как термин «общественное отношение», характерный для отечественного законодательства, в рассматриваемом контексте не используется. Таким образом, с учетом международной специфики

Без сомнения, если для российского уголовного права содержание понятий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» имеет первоначальное значение, то зарубежное уголовное право в основном не придает столь большого значения разграничению этих понятий. Связано это отчасти и с тем, что большинству зарубежных уголовных кодексов присуще формальное определение преступления (деяние, предусмотренное уголовным законом под угрозой наказания).

В зарубежном уголовном праве не принято использовать объект преступления как строгий критерий классификации и кодификации уголовно-правовых норм.

В большинстве кодексов развитых западных стран вообще отсутствует понятие преступного деяния, теория же в таких случаях опирается в основном опять-таки на формальный критерий – «деяние, нарушающее уголовный закон». Лишь небольшая часть зарубежных теоретиков уголовного права (например, так называемое реалистическое направление в англо-американской юридической литературе) упоминает в качестве одного из признаков преступления «уголовно наказуемый вред», рассматривая его как неблагоприятные последствия преступного деяния в виде утраты общественных ценностей. В зарубежном уголовном праве не принято также использовать объект преступления как строгий критерий классификации и кодификации уголовно-правовых норм [6].

Если рассматривать становление объекта правовой охраны в сфере глобальной энергетической безопасности в соответствии с демократическими принципами и Программой борьбы с коррупцией, принятой 16 июля 2006 года в Санкт-Петербурге лидерами стран «Группы восьми», то «объектом правовой охраны» признают интересы стран участников в

области глобальной безопасности и стабильности, открытых рынков и свободной торговли, экономического процветания и обеспечения правопорядка [7]. В связи с этим глобальная энергетическая безопасность как объект уголовно-правовой охраны представляет собой совокупность межгосударственных и общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования международного сообщества.

В целом видовым объектом преступлений, совершаемых в сфере глобальной энергетической безопасности, можно признать глобальную безопасность, установленный порядок осуществления экономической деятельности в международном энергетическом хозяйстве, комплекс общественных отношений в сфере производства, распределения и потребления энергоресурсов, обеспечивающих удовлетворение потребностей человека, государства и международного сообщества.

К сожалению, как указывалось ранее, до сих пор на международном уровне нет единого понимания глобальной энергетической безопасности, поэтому понятие и значение объекта преступления в сфере трансграничной энергетической безопасности во многом зависит от понимания объекта преступления, закрепленного в национальном уголовном праве. Однако постепенно в практике международного сообщества и отдельных государств наблюдается тенденция к формированию общего понимания энергетической безопасности, интернационализации уголовного права, унификации и гармонизации национальных норм

(преимущественно в рамках региональных международных организаций – ЕС, СНГ, ЕврАзЭС и др.) [8]. Причем имеет место постоянно усиливающееся сходство как отдельных норм о преступлениях, совершаемых в сфере энергетической безопасности, так и их систем в праве разных стран с рыночной экономикой. По мнению И. Клепицкого, это объясняется единой функциональной направленностью данных норм и институтов на охрану однородных хозяйственных отношений, в условиях глобализации экономики. Причем характерной особенностью преступлений, совершаемых в энергетической сфере экономики, в зарубежных странах является определение составов этих преступлений как формальных, потому что вред, ими причиняемый, часто затрагивает не отдельных индивидов, а общественные интересы в целом [9].

В соответствии с теоретическими положениями, признанными в уголовном праве Российской Федерации (ст. 2 УК РФ), объектом преступления признаются важнейшие социальные ценности, интересы, блага, охраняемые уголовным правом от преступных посягательств.

В Общей части уголовного закона (ст. 2 УК РФ) дается обобщенный перечень объектов уголовно-правовой охраны [10], который конкретизируется в Особенной части уголовного закона, прежде всего – в названиях разделов и глав Уголовного кодекса, поскольку Особенная часть УК построена по признаку именно родового объекта преступления.

Понятие объекта преступления самым тесным образом связано и с важнейшим признаком объективной стороны преступления – общественно опасными последствиями. Общественно опасные последствия – это определенный вред, ущерб, причиняемый или могущий быть причиненным какому-либо социально значимому благу, интересу. Общественно опасные последствия как бы высвечивают, материализуют (в философском понимании этого слова) сущность и специфику конкретного объекта посягательства.

С учетом изложенного значение объекта преступления в сфере глобальной энергетической безопасности в основных чертах сводится к следующему:

1. Объект преступления в сфере глобальной энергетической безопасности – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага в энергетической сфере, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред.

Технологический (энергетический) терроризм – одна из транснациональных форм преступности, с которой можно бороться лишь силами всех государств.

2. Объект преступления является элементом каждого преступного деяния в сфере глобальной энергетической безопасности, то есть любое преступление является таковым только тогда, когда энергетической безопасности как признаваемой международным сообществом социально значимой ценности, глобальному интересу и всеобщему общественному благу, охраняемым международным и национальным уголовным правом, причиняется или может быть причинен существенный вред. Это находит выражение в таком законодательно закреплённом на международном и национальном уровнях различных стран признаке преступления, как нарушение энергетической безопасности.

3. Правильное определение объекта преступления в сфере глобальной энергетической безопасности имеет принципиальное значение при обмене международным опытом борьбы с преступностью в энергетической сфере, заключении соглашений в этой сфере и для кодификации национального уголовного законодательства. Должное установление объекта преступления в сфере глобальной энергетической безопасности позволяет

отграничить преступление в данной области международных интересов от других правонарушений и политически ангажированных аморальных проступков.

4. Объект преступления в рамках международного сотрудничества позволяет четко разграничить международные преступления и преступления международного характера (например, коррупция, международный терроризм и др.), определить характер и степень общественной опасности преступного деяния, совершаемого в сфере глобальной энергетической

безопасности, осуществляемого деликвентами международного права и транснациональными преступными формированиями.

5. Объект преступления имеет большое, а иногда и решающее значение для правильной квалификации преступного деяния в сфере глобальной энергетической безопасности и отграничения одного преступления от другого. Например, главным образом по объекту посягательства можно разграничить между собой такие преступления, наносящие существенный вред глобальной энергетической безопасности, как диверсия и террористический акт (ст. 281 и 205 УК РФ).

В современных условиях возрастания техногенных и природных угроз, террористических проявлений на повестку поставлена задача обеспечения глобальной энергетической безопасности на основе интегрированной оценки совокупности рисков природного, техногенного и антропогенного характера и противодействия технологическому (энергетическому) терроризму.

Как преступление технологический (энергетический) терроризм является одной из транснациональ-

ных форм преступности, с которой можно бороться лишь силами всех государств, на территории которых происходит реализация преступной деятельности. Технологический (энергетический) терроризм связан с угрозой уничтожения (повреждения) технических устройств и инициирования энергетических аварий на опасных объектах, сопровождающейся высокой возможностью гибели и травмирования людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий. Сегодня крупные предприятия, эксплуатирующие опасные производственные объекты, гидротехнические сооружения, объекты ядерно-топливного цикла становятся заманчивыми «мишенями» для реализации возможных актов технологического терроризма, что чревато опасными экономическими, социальными, экологическими и эпидемиологическими последствиями [11].

К сожалению, конвенционный уровень не позволяет учесть все формы технологического (энергетического) терроризма, поэтому сущностные аспекты объекта преступления данного вида терроризма, возможно, должны выявляться с позиции уголовной ответственности по составам различных преступлений, содержащихся в Особенной части уголовного закона. Правовое закрепление правила разрешения данной ситуации содержится в части 3 статьи 17 УК РФ, где указано, что «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Юридическая основа изложенного законодательного предписания – классическое правило толкования законов: специальный закон отменяет действие общего (*lex specialis derogat legi generali*). То есть, если квалифицируемое деяние обладает признаками состава, указанного в специальной норме, подлежит применению специальная, а не общая норма [12].

Рассматривая глобальную энергетическую безопасность, нельзя

не отметить, что интенсивная хозяйственная деятельность при нарушении правил безопасности на объектах энергетических и нефтегазовых компаний приводит к резкому усилению антропогенной нагрузки на окружающую природную среду. В связи с этим актуальны вопросы охраны природы, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

В современной геополитической обстановке, когда ряд государств – потребителей энергоресурсов контрагентов стран – производителей углеводородного сырья имеют определенный вектор развития отношений с ними, которые могут быть обусловлены политическими и экономическими факторами, территориальными претензиями, историческими фактами и т.д.,

обыденными стали проявления умышленной преступной деятельности со стороны ресурсно-ограниченных стран по разграблению природных сырьевых ресурсов. В данном случае нарушение законодательства о континентальном шельфе и об исключительных экономических зонах [13], незаконные способы эксплуатации (без проведения официальных тендеров) и добычи (вне установленных квот) углеводородного сырья крупными нефтегазовыми компаниями являются преступной деятельностью, влияющей на глобальную энергетическую безопасность.

В условиях растущего дефицита энергоресурсов при наличии реальной угрозы энергетического кризиса в мировом масштабе, значительную роль в уголовно-

правовой квалификации указанных преступных деяний играет, прежде всего, правильное определение общего объекта данных видов преступлений. Указанные деяния необходимо рассматривать как преступления, посягающие на установленный правопорядок недропользования, энергетическую безопасность общества, природно-ресурсный потенциал. В основе их классификации и «объединения» должен лежать общий объект посягательства – природно-ресурсные общественные отношения. Объекты, которым причиняется в ходе этого вред, можно разделить на непосредственные (собственность на природно-ресурсные объекты) и опосредованные (энергетическая безопасность общества). □

1. Лукашук И.И., Шинкаревецкая Г.Г. Международное право. Элементарный курс: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – С. 215.

2. Например, см.: Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: Методологические аспекты: Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001; Георгиевский Э.В. Объект преступления: теоретический анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999; Красногеев В.А. Объект преступления в российском уголовном праве (Теоретико-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. – Кисловодск, 2001; Зателепин О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 29-31 и др.

3. См., например: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: Часть общая. – М., 1924. – С. 129, 130 и последующие его труды и работы других авторов.

4. Например, см.: Свод правил о сбыте энергии (Distribution Code 2003), Закон ФРГ «Об энергетическом хозяйстве» 2005 года, Директивы ЕС по газу, Директивы ЕС по электричеству и т.д.

5. Демидов Ю.А. Спорные вопросы учения об объекте преступления: Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. – М., 1997. – С. 87.

6. Так, например, федеральный УК США 1948 года представляет собой изложенное в алфавитном порядке собрание норм, содержащихся в федеральных уголовных законах.

7. Информационно-аналитический материал по итогам Санкт-Петербургского энергетического саммита-2006. – Саратов: Сателлит, 2006. – С. 174.

8. Примером унификации являются регламенты Совета ЕС, а примером гармонизации может служить, Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ.

9. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. – М.: Статут, 2005. – С. 121.

10. К объектам уголовно-правовой охраны относятся права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества.

11. В настоящее время на территории Российской Федерации эксплуатируются более 1000 АЭС и ядерно-

опасных производств, более 200 тысяч километров магистральных газо-, нефте- и продуктопроводов, сотни тысяч тонн складированных и транспортируемых взрыво- и пожароопасных углеводородных продуктов, тысячи энергетически опасных объектов и сооружений (нефтеперерабатывающих производств, АЭС, объекты гидро- и теплоэнергетики, плотин, дамб, транспортных комплексов и т.д.). Зачастую энергетически опасные объекты расположены в сельских зонах, что существенно повышает риск аварий с тяжелыми последствиями для населения.

12. Например, в пункте 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 июня 2002 года № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» разъяснено, что «если причиной возникновения пожара явилось нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, на взрывоопасных объектах, при ведении горных, строительных или иных работ, нарушении правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых веществ, пиротехнических изделий и т.п., содеянное охватывается специальными составами преступлений (ст. ст. 215-218, ст. 269 УК РФ и др.) и дополнительной квалификации по статье 219 УК РФ не требует». Последнее вытекает из того, что в статье 219 УК РФ установлена ответственность за любое нарушение правил пожарной безопасности (общая норма).

13. Охрана континентального шельфа и исключительных экономических зон как в нашей стране, так и за рубежом осуществляется прежде всего на основе международных норм, договоров и соглашений. Защита естественных богатств указанных районов реализуется в различных странах по-разному. Так, статья, аналогичная статье 253 УК РФ, содержится в Уголовном кодексе Казахстана (ст. 284). В большинстве других стран, имеющих континентальный шельф и исключительную экономическую зону, защита этих районов реализуется в рамках охраны окружающей природной среды в целом (например, в Испании, Германии).

ГАЗОВЫЕ ПРИСТРАСТΙΑ ЮЩЕНКО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРИМИНОЛОГА

**АЛЕКСАНДР
ВОШИНИН,
ЭКСПЕРТ**

По роду своей многолетней деятельности автору неоднократно приходилось принимать участие в расследовании уголовных дел, связанных с экономикой и организованными преступными группами, что, безусловно, не могло не наложить отпечаток на его мировоззрение.

И, вероятно именно поэтому, наблюдая за российско-украинским конфликтом по поводу транзита газа в Европу, автор неоднократно ловил себя на мысли: «А ведь я все это уже видел неоднократно, только в исполнении других, более мелких персонажей, многие из которых до сих пор «мотают срок» за нечто подобное!»

Давайте представим себе картину несколько отвлеченно, не вдаваясь в тонкости и хитросплетения юридических соглашений между «Нафтогазом», «РосУкрЭнерго» и «Газпромом».

Итак, существует «Газпром», который добывает газ и отправляет его всем желающим купить по рыночной цене. Поскольку газ – штука всем очень необходимая, желающих приобрести его много и цена на него растет с каждым годом.

Рядом с родиной «Газпрома» существует Украина, которая является ПОКА важнейшим транзи-

тером этого газа к большинству покупателей, да вдобавок ко всему его довольно крупным потребителем.

В течение длительного времени, особо не приглядываясь к тому, что там происходит в этой самой Украине, «Газпром» поставлял ей газ по ценам, гораздо ниже рыночных, да еще и закрывал глаза на то, что часть газа при прокачке исчезала в неизвестном направлении. Безусловно, объяснить это можно только тем, что «Газпром» – не частная лавочка, а государственное предприятие, задачей которого является, в том числе, и выполнять государственную политику России в энергетической сфере.

весь мир сферой СВОИХ жизненных интересов.

В Украину пришла новая власть. Пришла противозаконно даже по внутриукраинскому законодательству – ни «Майдан», как способ избрания президента, ни фактическое изменение Конституции, ни назначение третьего тура выборов никакими украинскими законами не предусмотрены. Примерно так организованная преступная группа (ОПГ) рейдеров проводит «альтернативное» собрание акционеров, на котором фальсифицирует количество голосов, назначает «своего» директора и захватывает предприятие.

Трудно представить себе, чтобы человек, добившийся какого-то

Поскольку газ – штука всем очень необходимая, желающих приобрести его много и цена на него растет с каждым годом.

Ну а Россия, безусловно, никогда не забывала и что «Киев – мать городов русских», и Переяславскую раду, и всю остальную многовековую историю двух братских народов. Возможно, именно поэтому, длительное время проредки ближайшего соседа оставались безнаказанными.

Но когда-то всему приходит конец и, похоже, терпение России закончилось.

В конце концов, сколько можно было смотреть на тот бардак, который происходит в непосредственной сфере жизненных интересов России. Кстати, не вижу никакого «криминала» в том, чтобы называть так Украину – ведь называют же США

высокого положения преступным путем, стал бы это положение использовать иначе, чем для личного обогащения и создания преференций для себя, любимого. Соответственно, криминальным путем пришедшая во власть верхушка быстро начала прибираться к рукам те активы, которые могли приносить прибыль лично ей. И, хотя большая часть этих активов уже была поделена по принципу «Все уже украдено до нас», оставался самый «сладкий» – газотранспортная система Украины, та самая «труба», из-за которой Украина представляет интерес и для Европы, и для США, да и для самой России.

И широкой общественности было представлено «РосУкрЭнерго»

в качестве якобы крайне необходимого Украине посредника в сделке между «Газпромом» и «Нафтогазом». С экономической точки зрения наличие этого посредника объяснить невозможно, но оно легко объясняется с точки зрения криминолога. Так, преступные авторитеты, «крышующие» фирмы, заставляют их покупать товар у «своих» посредников, получая в результате чистый «навар» от внешне легальной торговли. И в Украине, если верить Президенту Медведеву (а не верить ему нет оснований), «РосУкрЭнерго», покупая газ по 175 долларов за тысячу кубов, СВОИМ же собственным украинским потребителям поставляло по 320! Воистину, российским ОПГ, получающим с подконтрольных фирм за «крышу» 15-20 процентов, стоит обзавестись таким аппетитом.

хранится он в государственных хранилищах, знай себе заключай договора и считай деньги, ведь даже если работать совершенно честно, прибыль будет просто невероятной.

Но где вы видели честную работу криминальных структур? Тем более, работу с такой хитрой субстанцией, как газ. Снизь давление на четверть атмосферы, и его объемы увеличатся. Поверни краник на трубе в другую сторону, и вот уже лишний газ потек «мимо кассы». Да и как его считаешь, это же газ! Короче, соблазнов столько, что и честный-то человек задумается. Чего уж говорить о фирме-«прокладке», поставленной специально в интересах ОПГ.

Безусловно, захвати эта ОПГ какую-нибудь другую страну, не связанную с Россией тысячелетней совместной историей, –

ся, и тебя затопчут другие желающие отхватить себе сладкий кусок, на твое место придут другие, а ты либо останешься валяться на обочине с пулей в голове, либо переселишься туда, где небо можно видеть только через прочные решетки.

И возникла необходимость выйти за пределы подконтрольной ОПГ территории, уже к контактам с другими государствами, и прежде всего с Россией и Евросоюзом. Пока этого не происходило, Россия относительно спокойно смотрела на выверты своего соседа – примерно так мы смотрим на живущего в соседнем подъезде пьяницу и дебошира до тех пор, пока его скандалы не выплескиваются за пределы занимаемой им жилплощади. Безусловно, некоторые его поступки – скандалы с домашними, кражи чужих газет из почтовых ящиков и пр. – нас раздражают, но не до той степени, чтобы идти к нему домой и бить морду.

Однако это произошло и ОПГ вышла на международную арену. Трудно было бы ожидать, чтобы этот выход был «белым и пушистым», а руководители ОПГ, выйдя «в люди», вдруг стали строго соблюдать международные договоренности. Их привычные методы – мошенничество, шантаж, вымогательство и угрозы, другого они просто не умеют делать.

Первая, хотя и неудачная попытка такого шантажа произошла уже зимой 2005-2006 года. Украина перекрыла газовый вентиль и потребовала для себя преференций. Тогда ее руководство удалось сравнительно быстро «образумить», но умные люди поняли, что это только начало и попытки будут продолжаться. Собственно, и разделение контракта на поставки газа в Украину с транзитным контрактом сродни попыткам каким-то образом обезопасить себя от выходов буйного соседа, мешающего нормально жить.

И новые попытки не преминули воспоследовать. Подробности событий широко известны, описывать их снова не имеет смысла, хотелось бы только остановиться на тех целях, которые «Киевская

Криминальным путем пришедшая во власть верхушка быстро начала прибирать к рукам те активы, которые могли приносить прибыль лично ей.

Но ведь не у каждой ОПГ во главе стоит руководитель суверенного государства, у того и возможности другие, да и расходы побольше. И хотя, если судить по сообщениям как украинских, так и многих иностранных агентств, брату руководителя – П. Ющенко принадлежит 27 процентов «РосУкрЭнерго», этого все равно оказалось мало.

Если судить по отчетам «РосУкрЭнерго» в швейцарские налоговые органы – покупка и перепродажа газа не только украинским потребителям, но и западным соседям, невероятные льготы по платежам за хранение газа в украинских газохранилищах и т.п., приносили ОПГ миллиардные прибыли ежегодно. Любому бизнесмену на их месте был бы в восторге – никаких накладных расходов, не говоря о затратах, – газ качают государственные компрессоры,

ее проделки надоели бы гораздо раньше и, полагаю, нашлись бы способы образумить зарвавшихся хлопцев.

Но, «Киев – мать городов русских», «Гоголь – великий русский писатель» и еще тысячи подобных причин довольно долгое время заставляли Россию не то чтобы терпеть, а, скорее, сквозь пальцы смотреть на то, что часть газа при транспортировке таинственным образом исчезает, а сами «паханы» от года к году ведут себя все наглее и наглее.

Неизвестно, сколько бы это еще продолжалось, но возрастающие аппетиты потребовали выхода ОПГ уже на международный уровень.

И это тоже понятно – любая ОПГ существует, пока хоть каким-то образом расширяет и укрепляет свое влияние. Стоит остановить-

ОПГ» ставила перед собой с точки зрения криминолога.

а) в условиях зимы путем шантажа добиться от России более низких цен на газ. Расчет был на то, что Москва испугается срыва контрактов по поставкам своего газа в Европу и в очередной раз уступит Киеву;

чи изменить нельзя», выворачиваясь из рук Жеглова, кричит: «Гражданин, инвалида обижают!»

Нельзя, безусловно, забывать, что, как правило, захватывающие предприятие рейдеры действуют не в собственных интересах, а в интересах заказчика. И, очень похоже, что такой заказчик

ли сообществу производителей и потребителей газа, которым как до «Киевской ОПГ», так и до ее заказчика дела, в общем-то, нет, но вот нормальные условия для собственной деятельности они обеспечить способны.

И в Украине, как в том предприятии, которое было захвачено рейдерами, ввели внешнее управление. Собственно, ничем иным, как внешним управлением, международный контроль над суверенной государственной собственностью, каковой является газотранспортная система, назвать нельзя. Ввели, несмотря ни на что, по ту сторону этому со стороны ОПГ, ни на попытки их заказчика объяснить всему миру, кто, с его точки зрения, «виноват» в возникшем конфликте.

И Украину, точнее, «Киевскую ОПГ» заставили вести нормальную коммерческую деятельность, платить за товар ту же цену, что и другие, и соблюдать договоренности не только перед экспортером, но и перед потребителями. Объяснив, что в едином доме, в котором живут и Евросоюз, и Россия, и Украина, следует соблюдать правила общежития и не беспокоить соседей своими дурными замашками. Невзирая на то что где-то у нее есть «старший брат», который, по крайней мере на словах, высказывается в ее поддержку.

Но глупо было бы надеяться, что конфликт разрешен раз и навсегда. «Киевская ОПГ» продолжает руководить захваченным ей «предприятием». И возрастающий конфликт между ее руководством совершенно не означает, что в случае победы премьера попытки мошенничества, краж и шантажа прекратятся. О неких ее шалостях при сделках с газом, да и не только с газом, мы помним еще со времен Кучмы и Лазаренко. «Паниковский вас продаст, купит и снова продаст, но уже дороже», — именно эта цитата приходит мне сейчас на ум.

Преступная организация может действовать ТОЛЬКО преступными методами. И от перестановок в ее руководстве и изменений «веса» руководителей суть ее не меняется.

Захвати эта ОПГ какую-нибудь другую страну, не связанную с Россией тысячелетней совместной историей, — ее проделки надоели бы гораздо раньше.

б) спровоцировать Россию на ответные жесткие шаги и таким образом сплотить вокруг руководителя ОПГ его, хоть и малочисленных, но еще оставшихся сторонников;

в) дискредитировать премьера, намекая на «неоимпериализм Кремля», с которым якобы борется Ющенко и которому потакает Тимошенко (такие обвинения в адрес главы кабинета открыто прозвучали из уст замглавы президентского секретариата Р. Бессмертного, который сказал, что премьер действует как «союзник Кремля»). И это понятно, ведь в любой ОПГ «пахан» опасается своих ближайших соратников, а те, в свою очередь, стремятся скинуть «пахана» и занять его место;

г) показать Евросоюзу ненадежность России как политико-экономического партнера и подчеркнуть свою привлекательность и важность как транзитера, рассчитывая таким образом ускорить получение от ЕС хоть каких-то преференций и послаблений;

д) дискредитировать Россию, заручившись традиционной поддержкой «демократической Европы» и всего «прогрессивного человечества» в борьбе с «авторитаризмом Кремля», пытающегося удушить «завоевания Майдана». Примерно так уголовник Кирпич в бессмертном фильме «Место встре-

у «Киевской ОПГ» был. Причем заказчик, имеющий самое прямое отношение к руководству этой ОПГ. Ибо, если ЦРУ, РУМО или еще какая-нибудь из многочисленных спецслужб США до сих пор не завербовали президента чужого государства, жена и дети которого являются гражданами США, — я просто перестану их уважать. Ну а уж как именно они его называют — «друг США» или «политик, ориентированный на сотрудничество», это дело десятое, в конце концов, агент влияния отличается от агента-информатора только своим положением и уровнем возможностей.

Украина в конце прошлого года подписала с США Хартию о стратегическом партнерстве. В ней, по словам пресс-секретаря МИД Украины, «...действительно есть положения, которые касаются привлечения США к модернизации украинской ГТС». А также «...предусмотрены конкретные механизмы энергетического сотрудничества, прежде всего, начало работы двусторонней рабочей группы по вопросам энергетической безопасности...» Так что весь этот кризис ОЧЕНЬ напоминает попытку Украины, а точнее, «Киевской ОПГ» выполнить свою часть тех договоренностей, которые не были прописаны на бумаге.

Однако похоже, что действия этой самой ОПГ порядком надое-

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

**МИХАИЛ АЗАНОВ,
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
ОАО «АНГАРА ПЕЙПА»**

***В настоящий момент
международное
сообщество единодушно
в признании
глобальности
нарастающих кризисных
явлений в экономике,
финансах, экологии,
энергетике,
других сферах.***

1. Мировой экономический кризис, экономика России и необходимость формирования эффективной промышленной политики

Не является большим секретом тот факт, что эти кризисные явления, в том числе и в российской экономике, являются в значительной степени следствием международно-правового нигилизма и экономического эгоизма США, накоплением этим государством в предыдущие годы критической массы в злоупотреблениях правом и политико-экономическим диктатом [1]. Небывалые по масштабам спекуляции, финансовые пирамиды, «финансовые пузыри» создали очень неустойчивую ситуацию в экономике США и многих других стран и, соответственно, отрицательно воздействуют на экономическую ситуацию в остальном мире [2].

Фактически произошел отрыв финансовых технологий, существенно усиленных огромным объемом спекулятивного капитала и новыми информационно-компьютерными технологиями, от производственных

технологий реального сектора экономики [3]. На спекулятивных операциях, практически из воздуха, к настоящему времени создана огромная масса финансовых активов, которая в разы превосходит текущую стоимость реального сектора экономики. Возникла «виртуальная экономика» финансовых спекулянтов, базирующаяся на схеме «деньги – финансовый инструмент – деньги» и представляющая собой систему механизмов, посредством которых обеспечивается дематериализация капитала, теряющего всякую привязку к реальному процессу производства общественного богатства. В экономике стала господствовать монетаристская идеология «самовозрастания денег» Г. Зиммеля, согласно которой «как только буржуа откроют способы делания денег независимо от производственного помещения своего капитала, они оставят прежние скучные занятия, в лучшем случае дающие прибыль в 5-7 процентов годовых, и займутся спекулятивными денежными играми как таковыми» [4].

Результат для мировой экономики оказался настолько плачевным, что даже самые ярые апологеты неolibерального фундаментализма, проповедующие невмешательство государства в экономическую жизнь и уповающие на то, что «все исправит невидимая рука рынка», практически оценили ключевой тезис Дж. М. Кейнса о принципиальной невозможности современного капитализма развиваться без государственного регулирования, а также необходимость и эффективность постоянного партнерского взаимодействия частного бизнеса с государством в экономике. Со своей стороны и сами государства как хозяйствующие субъекты начали «планомерный отход» от

«старого» понимания своей роли в направлении изменения правил и форм своего участия в экономике. В. Мау, указывая [5], что «экономически развитые страны, опасаясь коллапса банковской системы и дефляционного шока, приняли агрессивные меры по ее поддержке и стимулированию производственной активности» и, что «на идеологическом и концептуальном уровнях эта политика выразилась в ренессансе кейнсианства», уже на следующих страницах работы заявляет, что «всякое избыточное госрегулирование противоречит гибкому и динамичному характеру современных производительных сил, вызовам постиндустриальной эпохи... и вряд ли про нынешние... тенденции можно говорить, что они всерьез и надолго» [6].

В то же время современные реалисты-неокейнсианцы «достаточно твердо исходят из мнения исчерпанности позитивного потенциала крупного капитала как «саморегулирующейся системы» и «исходят из идеи невозможности нормального развития современной экономической системы без активного государственного экономического вмешательства, причем в направлении большей социальной справедливости» [7].

Хорошо известно, что и в нашей стране последний и достаточно длительный период экономических реформ также совершенно однозначно характеризуется тотальным политико-экономическим приматом «виртуальной экономики» финансовых инструментов. Все это время наша экономика строилась под сильнейшим влиянием западной либерально-консервативной экономической школы, построенной подобно теории социализма на неких догматах – о необходимости

жесткой денежно-кредитной политики, масштабной и поспешной приватизации, заведомой неэффективности госсектора, минимизации государственного вмешательства, государственных расходов, эффективности «невидимой» руки рынка и т.п. Однако эти догматы подвергаются сегодня все большей критике, в том числе со стороны ведущих западных ученых.

Итоги наших реформ сейчас очевидно показывают, что жесткая денежно-кредитная политика и минимизация госрасходов – это четкий путь к отсталости, тезис о «неэффективности государственной собственности» – путь к растаскиванию активов по дешевке, невмешательство государства – это неограниченная свобода для монополий и крупного капитала и т.д. По образному выражению А. Кобякова, «России нужно не фискально-финансовое рабство, пусть даже облеченное в мантию западных нобелевских лауреатов, а экономическая свобода и развитие». Тот же Китай, который жил своей головой, развивал реальную экономику, оказался не столь чувствительным к кризису, как Россия.

В современных условиях, как отмечает академик О. Богомолов [8], «на государство ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов чисто рыночных механизмов, и не только в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, но и в других областях. Речь идет, например, о развитии науки, образования, культуры, об охране здоровья и окружающей среды, создании экономической инфраструктуры, не говоря уже об обеспечении национальной безопасности и правопорядка».

В настоящее время страна подошла к поворотному рубежу – на фоне растущих вызовов глобальной конкуренции и необходимости ускорения темпов развития нарастает критическая масса факторов, которая может привести к существенному торможению экономического роста. Идет осмысление прошлых ошибок, и Россия должна найти адекватный ответ этим вызовам. Мы должны отказаться от инфантильной веры во внутренние

саморегулирующие возможности рыночного хозяйства. Последние достаточно широки, но все же ограничены. Поэтому государство обязано осуществлять постоянный мониторинг внутреннего состояния экономической системы и принимать упреждающие меры по недопущению ее дестабилизации.

Очевидно, что модель российского сырьевого монополично-бюрократического капитализма четко показала свою неэффективность. Текущее состояние российской экономики характеризуется наличием очень серьезных проблем, решение которых не под силу одним лишь представителям бизнес-сообщества и которые требуют поэтому переосмысления нашей экономической идеологии, новых подходов к государственной промышленной политике. Среди таких проблем следует назвать:

- низкий уровень накопления и интенсивное старение вследствие этого основных фондов экономики, особенно в социальной и производственной инфраструктуре;

- заметное снижение темпов роста промышленности и усиление структурных деформаций в экономике, вследствие опережающего развития нефтегазового сектора;

- непрерывную инфляцию и катастрофическое отсутствие дешевого и долгосрочного национального кредита;

- усиление межрегиональных, внутрирегиональных диспропорций и перманентно возникающие реальные центробежные тенденции в государственном устройстве;

- технологическую деградацию сферы занятости, утрату национального промышленного интеллекта и нарастающий дефицит квалифицированной рабочей силы вследствие колоссальных потерь человеческого капитала;

- серьезное отставание в развитии малого и среднего бизнеса в корпоративной структуре экономики, крайне ограниченное количество современных компаний, способных конкурировать на открытых рынках;

- опережающее развитие торговли в сравнении с реальным сектором экономики, рост ВВП, прежде всего за счет непромышленно-

го сектора, в лучшем случае строительства.

В. Мау справедливо отметил, что «у разворачивающегося кризиса имеется еще одна – фундаментальная – предпосылка. За последние полтора-два десятилетия целевая функция бизнеса претерпела серьезную трансформацию. Ключевым ориентиром развития корпораций стал рост капитализации. Именно этот показатель более всего интересовал акционеров, и именно по нему оценивается в наши дни эффективность менеджмента... Однако... для поддержания текущего роста капитализации требуется совсем не то же самое, что обеспечивает рост производительности. Для хорошей отчетности нужны слияния и поглощения... В результате в составе многих крупных промышленных корпораций сохраняются старые неэффективные производства» [9].

Видимо поэтому в настоящее время главным и самым востребованным образцом руководителя промышленного предприятия стал не квалифицированный и опытный инженер-управленец (в СССР таковым являлся, например, Генеральный конструктор), а главный распорядитель денег, который по сложившейся уже традиции происходит уже не из инженеров, а из «менеджеров» – новой, довольно специфической касты, сформировавшейся за последние годы. Очень точное определение такого «менеджера» дал М. Хазин: «...это люди, которых целенаправленно дрессировали на повышение эффективности отдачи денег! А вовсе не на достижение конкретного результата, необходимого государству! «Менеджер» никогда не будет «зарывать» деньги в НИОКРы или подготовку кадров – он вложит их на финансовом рынке, а специалистов будет искать на рынке труда... Беда только в том, что нет у нас уже сегодня этих специалистов... «Менеджеров» зато очень много, причем они уже заполнили даже государственные структуры, по сути принципиально противоположные им по мировоззрению» [10]. Именно такие «менеджеры» никогда не задумываются о развитии производства, внедрении новых технологий, оптимизации производственно-технологических пото-

ков и снижении себестоимости продукции. Их интересует только во многом фиктивный и ничем реально не подкрепленный рост стоимости акций. Конечно, никакого участия в развитии предприятия или тем более отрасли, формировании осмысленного государственного подхода к развитию экономики такие специалисты принимать не могут.

Хорошо известно, что одной из главных причин бедственного состояния экономики РФ и отсутствия каких-либо зримых перспектив ее развития является тот факт, что до сих пор на государственном уровне так и не сформирована и не принята долговременная, осмысленная, цельная и отвечающая реалиям нынешнего времени государственная промышленная политика. Пока доходность по финансовым инструментам будет выше, чем доходность бизнеса, никто этим самым бизнесом заниматься не будет, а все станут играть в финансовые игры. Сейчас ставки на межбанковском рынке выше 20 процентов годовых в рублях, а доходность облигаций надежных эмитентов и вовсе достигает 30-40 процентов годовых. Поэтому масштабных проектов на заемные средства со стороны частного бизнеса в таких условиях можно и не ожидать.

Таким образом, в настоящий кризисный момент острота проблемы формирования и принятия государственной промышленной политики возникает с новой силой. Обширные и интенсивные дискуссии на эту тему то затихают, то вспыхивают с новой силой в среде промышленной, научной и политической общественности страны при активном участии промышленных министерств и периодически предлагают на рассмотрение различные варианты промышленной политики. Пока официального единого документа или закона, детально описывающего все составляющие государственной *промышленной политики*, включая конкретные инструменты ее реализации, не существует. Тем не менее, по мнению В. Полтеровича [11], всеми заинтересованными сторонами признается тот

факт, что эффективная стратегия социально-экономического развития нашей страны должна предусматривать:

- расширение частной инициативы и конкуренции;
- эффективную социальную и промышленную политику;
- налаженное взаимодействие бизнеса, государства и общества;
- сильное (но не чрезмерно сильное) государство;
- повышение качества институтов (защищенность прав собственника, независимость и неподкупность судей, снижение уровня коррупции, укрепление законности, улучшение качества государственного управления);
- обеспечение высокого уровня человеческого капитала;
- создание инновационной экономики.

Поскольку промышленная политика должна носить долговременный, стратегический характер, то итоговый документ, отражающий стратегию развития промышленного сектора страны, необходимо сформировать на временной линейке хотя бы до 2020 года. Он должен содержать как идейные, так и численные ориентиры, опираясь на которые можно было бы формировать более узкие или более кратковременные программные документы, вести целенаправленную законодательскую деятельность и т.д.

Среди прежних разработок, касающихся промышленной политики, специалистам хорошо известен фундаментальный труд «Государственная промышленная политика России. Проблемы формирования и реализации», созданный еще в 2003 году большой группой очень известных разработчиков под руководством Е. Примакова, президента Торгово-промышленной палаты РФ [12].

Министерство промышленности и торговли РФ, еще будучи Минпромэнерго, также выдвинуло на широкое обсуждение свой проект документа «О новой промышленной политике» [13].

Кроме того, в 2008 году в Государственную Думу на рассмотрение с небольшим временным интервалом были поданы сразу два законопроекта:

➤ проект Федерального закона № 75357-5 «О развитии промышленности» [14];

➤ проект Федерального закона № 98281-5 «О национальной промышленной политике в Российской Федерации» [15].

В Госдуме первого-третьего созывов с идеей создания закона о промышленной политике традиционно выступала фракция КПРФ – известно не менее пяти разработок этой фракции разных лет. По смыслу данные разработки весьма схожи с рассматриваемыми ныне в Думе законопроектами, и ни один из них не был принят и не получил официального одобрения как президента, так и правительства. Министерство промышленности и торговли РФ, отвечающее за промышленную политику в Правительстве России, скептически относится и к указанным выше нынешним законопроектам. Как пояснил президент Фонда поддержки законодательных инициатив Г. Томчин, «во внесенных депутатами законах отсутствует предмет правового регулирования. Нужно говорить о наборе инструментов, которые могут применяться в рамках промышленной политики» [16]. Напротив, авторы двух новых законопроектов настаивают на том, что оба документа должны стать основой промышленной политики правительства.

В современной России имеются достаточно влиятельные силы, которые в принципе отрицают необходимость такой политики, называя ее «волютаристской придумкой «красных директоров» и сочувствующих им экономистов-государственников. Странники такой позиции, называющие себя либералами-рыночниками, продолжают считать, что промышленную политику могут с успехом заменить институциональные реформы, направленные на стимулирование предпринимательской деятельности и создание благоприятных условий для зарубежного и отечественного капитала.

Представляется ошибочной и другая крайность – когда в качестве образца для современной промышленной политики рекомендуется модель советской индустриализации с ее гипертрофированным приоритетом средств производства,

машиностроительного комплекса, заводов-гигантов, «строек века», тогда как нынешние страны-лидеры уже ориентируются на увеличение размеров лишь материально-вещественных элементов богатства, а в валовом внутреннем продукте начинает преобладать сектор услуг.

Главный порок систем управления эволюцией России в XX веке в том, что они бросали страну из одной крайности в другую: или всеопределяющая рука государства, или якобы вездесущая «невидимая рука рынка», – а истина, как известно, где-то посередине. Централизованное планирование приводит, как известно, к проклятию координации. Рынок нужен как побудительная сила. Конкуренция является главной движущей силой нововведений и средством мобилизации людей и потенциала предприятий. В то же время нерегулируемый рынок ведет к грубому нарушению общественных интересов, подавлению их узкокорыстными, частными интересами из-за проклятия либерализации.

По нашему мнению, современная промышленная политика должна строиться не на противопоставлении государственного регулирования и рыночных свобод, а, наоборот, на основе сочетания активной роли государства и рыночных механизмов.

2. Опыт формирования эффективной промышленной политики и партнерства частного бизнеса и государства в зарубежных странах

Прежде чем мы перейдем собственно к детальному анализу проблемы формирования эффективной промышленной политики и налаживания партнерского взаимодействия частного бизнеса и государства как главного инструмента этой политики, мы должны внимательным образом изучить опыт зарубежных стран в этом вопросе.

Содержательными примерами для России являются опыт формирования и реализации промышленной политики в развитых странах За-

падной Европы после Второй мировой войны и опыт «новых индустриальных стран» Юго-Восточной Азии, повторивших с интервалом в полтора-два десятилетия достижения этой политики применительно к своим задачам и особенностям.

Рассмотрение позитивных сторон этого опыта имеет большое значение для выработки инструментария российской промышленной политики [17]. За короткий срок «новые индустриальные страны» создали несколько промышленных отраслей мирового масштаба и значения. Например, Южная Корея, 30 лет назад бывшая «экономическим пигмеем», производит на своей территории 34 процента торговых судов мира. Россия – всего 0,9 процента. Юго-Восточная Азия «с головой» ушла в индустриализацию. А Россия вместо модернизации экономики скопировала модель США и Западной Европы, основанную на коммерциализации активов, и в результате даже превзошла их в «надувании пузырей». Достаточно сказать, что 2000 крупнейших предприятий несопоставимо более развитой Германии имели капитализацию в 68 процентов ВВП, а 130 индустриальных флагманов России – 135 процентов ВВП.

Как показывает история предыдущих мировых экономических кризисов, а также социально-экономические реалии многих ведущих развивающихся государств, включая участников ОПЕК и «новых индустриальных стран» (например, Малайзии, Тайваня, Южной Кореи, Сингапура и др.), государственное стимулирование базовых и новых отраслей промышленности, а также малого и среднего предпринимательства в производственной экономике является важнейшим стержнем государственной промышленной политики и беспроблемной бессрочной антикризисной стратегией. Именно производственные отрасли и их поддержка со стороны государства стали локомотивом не только выхода из кризисов, но и быстрого развития промышленности и промышленного экспорта. А ведь в докризисные периоды и эти страны были в незавидной роли экспортеров сырья. Все они, не-

зависимо от территории, населения и «правлящей» идеологии, в своей антикризисной политике опирались и опираются на национальные ресурсы – природные, финансовые, трудовые, интеллектуальные. Например, на Тайване, в Южной Корее, Малайзии и Сингапуре – это были такие ресурсы, как сельскохозяйственное, текстильное сырье и транзитные порты. Масштабное индустриальное развитие этих стран началось именно с использования данных ресурсов.

В центр государственной промышленной политики в этих странах была поставлена грамотная система производственно-финансового, в том числе концессионного, партнерства с местным и иностранным бизнесом в базовых отраслях (энергетика, машиностроение, металлургия, транспорт, нефтепереработка) и банковской сфере. Вводились всевозможные льготы для развития малых и средних перерабатывающих предприятий, сферы услуг, включая транзитные транспортные услуги, и для роста промышленного экспорта, в том числе продовольственных и текстильных товаров. Именно малый и средний бизнес буквально вытянул экономику Тайваня, Южной Кореи, Малайзии, Сингапура из глубокого кризиса в конце 40-х – середине 50-х годов прошлого века.

Меры государственной поддержки в сочетании со стимулированием частной инициативы стали основой промышленной политики указанных стран и на последующих этапах индустриального развития, но уже в сфере высоких технологий – в производстве компьютеров, бытовой техники, автомобилей, синтетических волокон, в разработке и внедрении энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий, в судостроении и т.д. Одновременно с этим правительства данных государств, уже получивших к этому времени обобщенное название «новых индустриальных стран», стали последовательно внедрять еще один эффективный инструмент промышленной политики на базе партнерства государства и частного бизнеса – особые экономические зоны (ОЭЗ) – с максимально выгодными условия-

ми для иностранного и местного капитала. Первая такая зона была создана еще в 1965 году вблизи тайваньского порта Гаосюн. Примеру Тайваня последовали Южная Корея и Сингапур. Теперь таких зон в мире – свыше 80. В очень широких масштабах и небезуспешно применили инструмент особых экономических зон в КНР. В Сингапуре, Южной Корее и Малайзии последовательное проведение промышленной политики, основанной на реальном партнерстве государства и частного, в том числе иностранного, бизнеса, сопровождалось, так же как и в Китае, «сверхжестким» государственным контролем деятельности банков и смежных с ними финансовых структур.

Конечно, такой индустриализации помогли еще и крупные запасы природных ресурсов: нефти, газа и олова в Малайзии, вольфрама в Южной Корее. Однако, в отличие от России, правительства этих государств сделали ставку на создание национальных производств по глубокой переработке этого сырья, а не на его бесконтрольно растущий сырьевой экспорт. Такая последовательная промышленная политика привела к тому, что уже к концу 70-х прошлого века данные страны стали выступать на мировом рынке и как крупные производители-экспортеры разнообразных продуктов глубокой переработки собственного сырья – особенно сжиженного газа, товаров металлургии, нефтегазохимии. В результате доходы от экспорта приобрели такую структуру, которая позволяет им показывать достаточно слабую зависимость от перепадов мировых цен на сырье, в отличие от российских экспортных доходов.

Такую же промышленную политику уже длительное время успешно осуществляет Китайская Народная Республика. И в связи с этим неудивительно, что все вышеперечисленные страны по-прежнему занимают в мире лидирующие места по темпам развития промышленных отраслей, промышленного экспорта, роста золотовалютных резервов и по стабильности своих денег. А следовательно, и по росту уровня жизни. Действительно, доля готовых промышлен-

ных изделий, включая наукоемкую и техноемкую продукцию, в стоимости экспорта Тайваня, Малайзии, Южной Кореи и Сингапура в настоящий момент составляет более 70 процентов, а в КНР – минимум 55 процентов. В России же доля сырья в стоимости экспорта является примерно такой же, как в КНР, но только это доля сырья, а не продукции с высокой добавленной стоимостью.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в большинстве стран, нынешних членах ОПЕК. Эти страны последовательно проводили и продолжают осуществлять индустриализацию своих нефтегазовых отраслей, и не только их. Значительная часть доходов от экспорта нефти и газа вкладывается в развитие нефтегазохимии, пищевой и текстильной отраслей, жилищного, транспортного строительства, а также сферы услуг, в том числе курортно-туристических. Скажем, большинство стран-членов ОПЕК уже в 70-х прошлого века стали крупными производителями-экспортерами самых разнообразных продуктов глубокой переработки нефти и газа, а также продовольственных и текстильных товаров. Например, Саудовская Аравия, Алжир, Ливия, Кувейт, Катар и ОАЭ за счет нефтегазодолларов обводнили свои пустыни и ныне не только собирают большие урожаи зерновых, но и даже экспортируют зерно! Исламская республика Иран не только упорно реализует масштабную программу создания ядерной энергетики, но и уже запускает собственные искусственные спутники Земли с применением ракетносителей собственного производства.

В результате и «новые индустриальные страны», и большинство стран-членов ОПЕК в настоящее время обладают многоотраслевой и в определенной степени самодостаточной экономикой, которая должным образом обеспечена устойчивой финансовой системой, квалифицированными кадрами и современными технологиями.

Интересный факт – развитию именно такой «несырьевой» экономики Ливии, Ираку, Ирану, Алжиру, Ирану помогали советские, а затем российские специалисты

и технологии. Важно и то, что упомянутые государства, включая КНР, использовали и ныне используют опыт СССР государственной поддержки именно индустриального, точнее – комплексного экономического развития. Известно изречение Чан Кайши, руководившего Тайванем до 1975 года: «...Давайте же брать пример с Советского Союза, не только проявляющего чудеса жертвенности в выполнении пятилетних планов, но и демонстрирующего максимально выверенную государственную политику в развитии промышленной экономики и повышении ее самодостаточности!»

Справедливости ради надо отметить, что в вопросе формирования и реализации промышленной политики были как удачные, так и неудачные примеры, когда те или иные усилия государства по развитию каких-то отраслей давали различные результаты. Иногда результаты были отрицательными, например, когда японцы пытались развить авиационную промышленность. Известно, что во времена президента Клинтона США вкладывали значительные средства в развитие жидкокристаллических технологий, но сейчас этот рынок захвачен «новыми индустриальными странами» и средства оказались потраченными впустую. С другой стороны, например, в Бразилии сталелитейная промышленность и авиация получили развитие в ходе проводимой политики импортозамещения, состоящей из протекционистских мер в сталелитейной промышленности, государственной собственности, государственных НИОКР и субсидируемого кредитования в авиации. В Чили эффективная промышленная политика имела серьезное положительное воздействие в развитии виноградарства, целлюлозной и лесной промышленности и лососевых хозяйств. В Мексике автомобилестроение и производство компьютеров получили первоначальный толчок к развитию вследствие проведения стимулирующей тарифной политики.

Таким образом, экономическая практика развитых и ведущих развивающихся стран показывает, что умелое сочетание частной производственной инициативы с мерами

государственной поддержки являлось и является сейчас одним из стержневых инструментов эффективной промышленной политики. Такой инструментарий дает возможность не только преодолевать кризисные явления в экономике этих стран, но и осуществить впечатляющий рывок в создании и развитии современного промышленного производства. В. Полтерович отмечает [18], что даже в Западной Европе «некоторые страны – Италия, Финляндия, Норвегия, Ирландия – сумели совершить «рывок», уже будучи на довольно высокой стадии развития... Однако исследователи отмечают решающую роль государственной политики в достижении успеха этих стран и ее сходство с политикой восточноазиатских экономик».

Здесь необходимо добавить важное замечание. Несмотря на успешность примеров осуществления, на первый взгляд «прорывной», индустриализации в большинстве рассматриваемых развивающихся стран, реализованные ими промышленные политики в большинстве своем базировались на так называемых «догоняющих стратегиях» и, как следствие, не привели к существенному изменению мирового хозяйственного баланса, а подавляющее большинство граждан этих стран так и остались жителями «третьего мира» и лишь ограниченное число лиц вошло в узкий круг «номенклатуры» глобального капитала. Вместе с тем заслуживает самого пристального изучения опыт таких стран, как Китай и Индия, где за счет концентрации огромных ресурсов в передовых сферах экономики появились мощные государственно-частные структуры, способные со временем оспорить безоговорочную гегемонию нынешних лидеров постиндустриального развития в западных странах.

В заключение этого раздела следуют три основополагающих для дальнейшего рассмотрения выводы:

➤ Во-первых, промышленность и в XXI веке остается локомотивом технического и экономического развития любой страны, несмотря на то что вклад промышленности

в создание ВВП сокращается. Россия, как великая держава, должна иметь в составе своей экономики такой высокотехнологичный и конкурентоспособный промышленный сектор, который не допускал бы опасной деиндустриализации экономики.

➤ Во-вторых, опыт большинства упоминавшихся выше стран Евросоюза и развивающихся стран демонстрирует тот непреложный факт, что именно опережающий рост промышленности обычно обеспечивает необходимые структурные преобразования и стабильный долговременный рост экономики. Это лишний раз подтверждает ошибочность тезиса о том, что «в условиях России лучшая промышленная политика – это полное отсутствие промышленной политики».

➤ В-третьих, в «новых индустриальных странах», Индии, Китае, большинстве стран ОПЕК основные усилия в разработке и реализации промышленной политики опирались на «взаимовыгодное» партнерство государства и частного бизнеса. Причем стоит обратить внимание, что иногда «лидерские функции» в таком партнерстве брало на себя государство, а иногда и частный бизнес. Поэтому формирование промышленной политики для России должно также опираться на различные инструменты партнерства государства и частного бизнеса.

3. Различные подходы к определению и формированию промышленной политики

Как известно, государственная политика – представляет собой совокупность целей и задач, практически реализуемых государством, и средств, используемых при этом, то есть целенаправленную деятельность институциональных структур государства, определяющих ориентиры и приоритеты общественного и экономического развития страны. Соответственно, государственная экономическая политика – это генеральная линия действий и совокупность мер, проводимых правительством от лица государства в области производства, распределения, обмена, по-

требления, накопления, экспорта, импорта экономического продукта в стране. В рамках государственной экономической политики обычно выделяют две основные составные части [19]:

➤ макроэкономическая политика, подразумевающая регулирование хозяйственных процессов на национальном уровне;

➤ промышленная политика, направленная на достижение конкретных стратегических целей на отраслевом и корпоративном уровне.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время не сложилось точного определения промышленной политики. Согласно дефиниции, которую предлагает коллектив авторов под руководством Е. Примакова [20]: «Промышленная политика – это система мер, направленных на развитие национальной экономики, новейших технологий и продуктов с высокой степенью обработки, современных информационных и других услуг, человеческого капитала».

В. Евтушенко [21] рассматривает «национальную промышленную политику» как комплекс мер государственного регулирования экономических процессов на отраслевом и корпоративном уровне, направленный на стимулирование инновационной активности, структурной перестройки экономики и экономического роста».

Анализируя результаты вмешательства государства в развитие экономики в различных регионах РФ, Е. Потапова [22] определяет промышленную политику лишь как совокупность целевых программ развития промышленности, разрабатываемых на региональном уровне и в рамках единой общегосударственной стратегии экономического роста контролируемых федеральным центром.

П. Кругман, М. Обстфельд [23] под промышленной политикой понимают комплекс мер государственного воздействия на распределение ресурсов общества в целях совершенствования структуры национальной экономики, поддержания конкурентоспособности отдельных отраслей и предприятий, а также экономики в целом на мировых рынках, корректировки не-

гативных последствий действия механизма рынка.

Минпромэнерго РФ, которое ныне переименовано в Минпромторг РФ, определяет «старую» промышленную политику в двух формах [24]:

➤ «жесткая», основанная на государственном планировании и директивном управлении;

➤ «мягкая», базирующаяся на создании институциональных условий для самостоятельного развития частного бизнеса.

Министерство предлагает определение «новой промышленной политики» – «как диалога, как согласования стратегий частного бизнеса, государства и общественных организаций, позволяющего каждой стороне – при разумном компромиссе – реализовать свой интерес и разделить риски». С точки зрения новой промышленной политики, как ее понимает Минпромэнерго, «жесткая» и «мягкая» политики – это две крайности. В первом случае государство командует промышленностью, каждым предприятием, вплоть до производственного участка, а во втором – наоборот, настолько отстраняется от командования экономикой, что перестает различать в общей массе экономической деятельности не только предприятия, но и целые отрасли [25].

Более детально указанные выше формы, или, если хотите, модели, промышленной политики рассматриваются А. Татаркиным [26] и В. Деметьевым [27]. Указанные авторы выделяют:

➤ селективную («жесткую» или вертикальную, в терминах, принятых в ЕС) промышленную политику, направленную на поддержку отдельных отраслей и видов деятельности через их планирование, бюджетное финансирование, налоговые льготы, протекционизм и т.д.;

➤ универсальную («мягкую» или горизонтальную, в терминах, принятых в ЕС) промышленную политику, направленную, прежде всего, на формирование и совершенствование институтов, обеспечивающих функционирование рыночных механизмов, включая антимонопольное регулирование, стандартизацию и патентование, регулирование общего уровня налогов, денежную

политику, регулирование трудовых отношений и т.д.

Как отмечает А. Татаркин, считается, что «жесткая» (вертикальная) модель промышленной политики наиболее характерна для слаборазвитых стран, а «мягкая» модель более типична для экономически развитых государств, в том числе стран Евросоюза.

В. Полтерович также выделяет два подхода к формированию промышленной политики [28]:

➤ «институциональный подход», направленный на улучшение государственного управления и судебной системы, подавление коррупции, устранение административных барьеров, совершенствование человеческого капитала и т.д., – фактически это «мягкая» промышленная политика;

➤ «проектный подход», нацеленный на инициацию и поддержание быстрого экономического роста за счет использования правительством государственных капиталовложений (национальные проекты, федеральные целевые программы, госкорпорации), налоговых освобождений, субсидий, гарантий по кредитам и т.д. «Проектный подход» предусматривает разработку государством долгосрочных планов развития экономики с последующим созданием стимулов к участию в этих программах частного сектора на основе государственно-частного партнерства – фактически это «жесткая» промышленная политика.

Сторонники «проектного подхода» отмечают, что «в условиях низкой эффективности российской экономики усилия по созданию рыночных институтов слабо результативны. Сами же институты фактически работают на закрепление экспортно-сырьевой модели развития» [29].

Интересную модификацию «институционального подхода» предложила [30] группа известных российских экономистов, объединившихся под брэндом «СИГМА». В основу предложенной ими модификации «институционального подхода» к модернизации экономики положен «контракт» между государством и группами общества, коалициями, заинтересованными в защите прав и свобод граждан, га-

рантиях прав собственности, развитии конкуренции и т.д. Авторы подхода называют его «Стратегия «Модернизация» и считают важным провести «в течение периода в 7-8 лет комплексную стратегическую подготовку предпосылок модернизации всей экономики, сочетающейся с модернизацией тех секторов экономики, где страна уже обладает конкурентными преимуществами» [31]. В числе основных условий успешной реализации «Стратегии «Модернизация», коллектив «СИГМА» указывает:

➤ создание «классических» институциональных предпосылок модернизации экономики – повышение уровня защищенности частной собственности и контрактных прав, обеспечение квалифицированности и независимости судов как от влияния государства, так и от влияния частного бизнеса, сокращение уровня коррупции, снижение административных барьеров ведения хозяйственной деятельности;

➤ создание инфраструктурных предпосылок модернизации – транспортные и информационные коммуникации, современный банковский сектор, финансовая и иная деловая инфраструктура, развитая система образования и НИОКР.

При этом указывается, что создание инфраструктурных предпосылок модернизации вовсе не обязательно должно опираться на государственные инвестиции. При условии создания необходимых институциональных предпосылок вложения в инфраструктуру могут стать (и становятся, как показывает мировой опыт) выгодными для частных инвесторов [32]. Авторы из коллектива «СИГМА» допускают, что деятельность общественных коалиций, формирующихся по их замыслу для модернизации институциональных механизмов каждой сферы экономики, должна привести к улучшению этих институтов, после чего может оказаться эффективной и промышленная политика. При этом промышленная политика предполагает замену принципа «защиты производителя» на принцип «защита потребителя» и поддержку конкурентоспособных хозяйствующих субъектов, а не «приоритетных» с геополитической точки зрения [33].

Важным здесь является тот факт, что в отличие от чистого «институционального подхода» коллектив «СИГМА» допускает возможность и необходимость прямого государственного финансирования некоторых отраслей экономики, а именно, цитируем: «только тех отраслей экономики, в которых у России есть неоспоримые конкурентные преимущества, позволяющие таким отраслям быть в числе мировых лидеров» [34].

ми ограничениями, – систему интерактивного управления ростом (СИУР) [36]. Во главе системы предлагается поставить Федеральное агентство по стратегическому планированию, подчиненное непосредственно главе федерального правительства, кроме того значительную роль в ней будут играть недавно сформированные институты развития (Банк развития, Российская венчурная компания, Инвестиционный фонд РФ,

**Государство должно
предусматривать соответствующую
поддержку не только конкретных
хозяйствующих субъектов,
но и формировать приоритеты
реализации промышленного
потенциала.**

В. Полтерович отмечает, что хотя стратегия модернизации должна уже на стадии ее разработки опираться на взаимодействие всех заинтересованных сторон, однако при этом не стоит рассчитывать, как это предполагает коллектив авторов «СИГМА», на быстрое возникновение необходимых структур развитого гражданского общества; надо использовать, прежде всего, те коалиции, которые уже сформировались в России. Соответственно им предлагается несколько иной подход к формированию стратегии модернизации, названный «интерактивным» и в котором площадкой для взаимодействия коалиций предлагается система индикативного (интерактивного) планирования – модернизированный аналог систем, применявшихся в большинстве вышеупомянутых стран «экономического чуда» [35]. Указанную стратегию интерактивной модернизации В. Полтерович относит к стратегиям «догоняющего развития» и для ее реализации предлагает создать специальную институциональную систему, совместимую с имеющимися культурными, политическими и институциональ-

особые экономические зоны, технопарки, национальные проекты). Предполагается, что интерактивность СИУР обеспечит постоянное взаимодействие государства, бизнеса и общества через систему экспертных комиссий, включающих представителей министерств, профсоюзов и других объединений работников, ассоциаций потребителей и отраслевых ассоциаций бизнеса.

В заключительных замечаниях к своей статье [37] В. Полтерович указывает, что стране требуется масштабная модернизация практически всех отраслей промышленности и секторов народного хозяйства, в связи с этим возникают задачи координации инвестиций в разные отрасли, а с такими задачами рынок если и справляется, то крайне медленно. Поэтому в основу современной промышленной политики [38] предлагается положить следующие тезисы:

➤ для решения задачи догоняющего развития методология использования конкурентных преимуществ малопригодна, надо действовать широким фронтом, обращая особое внимание на «расширку узких мест»;

➤ ввиду отсутствия средств и соответствующей инфраструктуры на первых этапах промышленная политика не должна делать ставку на «технологические прорывы», а опираться на эффективное заимствование современных западных (и восточных, если хотите) технологий;

➤ необходимо восстановить или создать заново систему отраслевых исследовательских институтов для интенсивного заимствования зарубежных технологий и предусмотреть активное участие государства в этом процессе;

➤ масштабное заимствование технологий и закупки техники за рубежом будет способствовать макроэкономической стабилизации, поскольку одновременно с увеличением спроса на иностранную валюту уменьшится скорость накопления золотовалютных резервов, а значит и снизится инфляция;

➤ необходимость масштабного переоснащения производства, осуществления межотраслевых проектов показывает, что здесь недостаточно «точечного» государственно-частного партнерства, речь должна идти о системе, позволяющей вовлечь в процесс выработки промышленной политики представителей всех отраслей и страт общества.

Таким образом, мы видим, что предложенная В. Полтеровичем [39] «интерактивная стратегия модернизации» фактически означает разработку и принятие промышленной политики, базирующейся на партнерстве государственных структур и частного бизнеса при решении всех вопросов экономического развития страны. При этом подчеркивается, что в связи с тем, что в настоящее время институциональные реформы в России продвигаются крайне медленно и страна находится фактически в сети институциональных ловушек, а между институтами и ростом существует взаимосвязь, имеет смысл поддерживать на относительно непродолжительном промежутке времени экономический рост за счет существующей промежуточной (переходной) системы институтов, постепенно, но постоянно улучшая и совершенствуя эти институты с целью в конце концов сделать

экономический рост самоподдерживающимся.

А. Татаркин в свою очередь в работе [40] указывает на ошибочность приведенных выше [41] трактовок промышленной политики, отождествляющих, по его мнению, понятие промышленной политики с механизмами ее реализации, коими являются система мер прямого и косвенного государственного регулирования развития промышленности и механизмы саморегуляции рынка. С его точки зрения, «промышленная политика представляет собой составную часть стратегии общественного развития, основанной на системе отношений между государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными и общественными организациями по поводу формирования структурно-сбалансированной, конкурентоспособной промышленности, интеллектуальное ядро которой представлено новейшим технологическим укладом... Сущность промышленной политики заключается в обоснованном выборе ее субъектами приоритетных видов деятельности и оказании им эффективной поддержки» [42].

Системный подход к формированию промышленной политики, на важность которого указывает А. Татаркин, заключается в том, что государство должно предусматривать соответствующую поддержку не только конкретных хозяйствующих субъектов, но и формировать приоритеты реализации промышленного потенциала, приоритеты структурных преобразований, учитывать территориальные особенности экономического развития, инициировать формирование и развитие благоприятной институциональной среды [43]. Далее А. Татаркин делает очень важные замечания о том, что промышленная политика в периоды между структурными кризисами стимулирует расширенное воспроизводство сложившейся структуры промышленности, а в период структурных преобразований она приобретает характер структурной политики, направленной на содействие трансформации отраслевой структуры на принципиально новой технической, технологической и организационной основе. Таким

образом, каждому периоду экономического развития экономики страны может соответствовать различная промышленная политика – от политики расширенного воспроизводства до политики трансформаций.

Отдельно остановимся на новых, с точки зрения А. Татаркина инструментах, промышленной политики. Среди них он выделяет наиболее значимые [44]:

➤ приоритетные промышленные проекты различного масштаба, например проект «Урал промышленный – Урал полярный», целевые программы по АПК, доступному жилью и реформе ЖКХ, от себя добавим в качестве примера реализующийся в настоящее время проект комплексного развития Нижнего Приангарья в Красноярском крае;

➤ кластерный подход, который является мощным инструментом не только промышленной, но и региональной политики;

➤ частно-государственное партнерство, здесь А. Татаркин, так же как упоминавшиеся выше В. Дементьев [45], коллектив авторов «СИГМА» [46] и В. Полтерович [47], подчеркивает, что не только государство и бизнес, но и политические партии, научно-экспертное сообщество и другие институты гражданского общества должны выступать равноправными участниками процесса разработки и реализации государственной промышленной политики.

В заключение этого раздела следует особо отметить еще раз, что практически все участники дискуссии о промышленной политике определяют в качестве одного из основных инструментов промышленной политики государственно-частное партнерство (ГЧП), или частно-государственное партнерство (ЧГП), как нравится некоторым авторам. В дальнейшем мы покажем, что термины ГЧП и ЧГП могут быть неравнозначны и изменение порядка слов здесь приводит не только к существенному изменению содержания партнерства государства и бизнеса как инструмента промышленной политики, но и определяет соответствие каждого инструмента своему периоду в экономическом развитии. Актуальность

проблемы выбора и практического применения различных инструментов промышленной политики и слабая структурированность теоретических знаний с точки зрения осуществления указанного выбора обуславливают необходимость проведения углубленных исследований в этом направлении. В то же время анализ инвестиционной активности государства и частного сектора в рамках реализации масштабных инвестиционных проектов доказывает эффективность использования государственно-частного партнерства как основного инструмента государственной промышленной политики и стимулирования инвестиционной и предпринимательской активности частного сектора [48].

**4. Партнерство
государства и бизнеса
как основной инструмент
промышленной политики.
Частно-государственное
партнерство
как инструмент «мягкой»
и государственно-частное
партнерство
как инструмент «жесткой»
промышленной политики**

О государственно-частном партнерстве как основном инструменте промышленной политики на самом верху российской власти всерьез заговорили начиная примерно с 2002 года. Это произошло после того, как в руководящих умах стало господствовать (и небезосновательно, как показали дальнейшие экономические события) представление о том, что в первое десятилетие XXI века экономика России будет развиваться в условиях положительного внешнего шока – высоких цен на нефть и другое сырье. Одновременно остро встал вопрос – готов ли отечественный бизнес вступать в деловое партнерство с государственными организациями? Имеется ли отработанный механизм такого взаимодействия, и как он будет выглядеть в реалиях непростых условий российской правовой системы и экономики? Каковы результаты практики государственно-частного

партнерства в других странах? Как избежать повторения возможных ошибок? И т.п.

Варианты ответов на эти вопросы стали появляться в российских научных исследованиях и хозяйственной практике достаточно быстро [49]. Однако, многие правовые и экономические механизмы взаимодействия государства и бизнеса в рамках государственно-частного партнерства до сих пор остаются слабо проработанными законодательно, а примеры реализованных проектов национального масштаба с участием государства и частного сектора на сегодня фактически исчисляются единицами, причем все они реализованы в результате гигантских усилий инициаторов, «в ручном режиме» [50].

тально более высокие шансы на успех в сравнении с обычными крупными инвестиционными проектами независимо от отраслевой специфики. В экономической теории известно о мультипликаторе государственных инвестиций, когда 1 рубль госинвестиций мобилизует, привлекает еще 3 рубля частных инвестиций [51]. Государство в таких проектах берет на себя самые нерентабельные работы, осуществляет базовые капиталовложения, прежде всего для обеспечения «врезок и подключений» нового проекта в существующую инфраструктуру, в подготовку строительной площадки и т.п. Соответственно, качественные и количественные показатели проекта существенно улучшаются

сударственных институтов, так и частного сектора;

➤ с извлечением обоюдной выгоды, выражающейся в экономии бюджетных средств органами власти и в получении обеими сторонами государственно-частного партнерства прибыли как от использования государственных активов, так и прибыли на частный капитал;

➤ с таким разделением прибыли, что у обеих сторон одновременно появляется мотив добиваться успеха реализуемого проекта;

➤ с таким разделением рисков между партнерами – государством и предпринимателем, что ни один из них не оказывается более защищенным от неудач проекта, чем другой.

Партнерство государства и бизнеса подразумевает возможность договорного распределения ролей в нем, то есть возможность наличия партнера-лидера и партнера-ведомого.

Из истории известно, что подчинение государства бизнесу в таком партнерстве, помимо расцвета коррупции, превращает все это государство в простой и грубый инструмент реализации коммерческих интересов, как это было в 90-е годы прошлого века в России. При этом, в силу объективно обусловленного несовпадения интересов бизнеса с интересами общества, государство полностью лишается возможности выполнять свои главные функции и, соответственно, его существование становится полностью неоправданным для оплачивающего его общества. С другой стороны, подчинение бизнеса государству неизбежно душит сначала его собственный творческий потенциал, а затем и потенциал всего общества с самыми пагубными последствиями для его конкурентоспособности, как это имело место при социализме и в некоторых развивающихся странах.

Идеальным примером партнерства государства и бизнеса представляются США, которые обеспечили тотальный симбиоз государства и ТНК, являющийся основным источником их глобального лидерства. Американские ТНК и государство, как правило,

Спектр возможных форм сотрудничества государства и частного бизнеса достаточно широк.

До сих пор не утихает дискуссия, как среди чиновников, так и в бизнес-среде, на тему «*What is ГЧП* и как оно реализуется», насколько эффективны для бизнеса действующие модели государственно-частного партнерства и как найти новые формы и методы взаимодействия с государством при обязательном условии дистанцирования от неизбежных, по мнению части западного бизнес-сообщества, «неэкономических» издержек. Более того, употребляются различные лексические варианты самого термина, кому нравится государственно-частное партнерство, кому частно-государственное.

Практика четко ориентирует нас на то, что, несмотря на все трудности реализации проектов государственно-частного партнерства в условиях нынешних реалий российской экономики, инвестиционный проект общегосударственного значения, основанный на приоритетах инвестиционной политики государства, с одной стороны, и индивидуальных стратегиях участия в нем частных экономических субъектов, с другой стороны, имеет значи-

и становятся более привлекательными для частного инвестора.

Спектр возможных форм сотрудничества государства и частного бизнеса достаточно широк. На одном полюсе в рыночной экономике стоит такая форма партнерства как приватизация, когда к частному бизнесу переходит вся экономическая власть над приватизированным объектом и соответственно к нему же переходят все сопутствующие риски. На другом полюсе – обычный контракт на работы и услуги с полным сохранением каждым партнером всех правомочий собственности [52]. Все то, что лежит между этими полюсами можно отнести к той или иной форме партнерства государства и частного бизнеса.

Классическое определение, данное в [53], относит к государственно-частному партнерству любое предоставление услуг или производство товара для общественных нужд, традиционно находящееся в сфере компетенции государства и осуществляющееся:

➤ с объединением активов и управленческих навыков, как го-

преследуют единые общенациональные цели, помогая друг другу решать соответственно экономические задачи ТНК и преимущественно политические задачи для государства. При этом при решении исключительно коммерческих задач государство выступает в роли «младшего партнера», а при деятельности во всех остальных направлениях в роли «ведомого партнера» выступает частный бизнес.

В США партнерство государства и частного бизнеса осуществляется не только на уровне лоббистов, но и в наиболее важной части – на уровне стратегических аналитиков, то есть на основе инструмента формирования и осознания взаимных стратегических интересов. Вместо того чтобы сначала порознь разрабатывать отличающиеся друг от друга системы корпоративных и государственных интересов, а затем мучительно приспособлять их друг к другу при помощи громоздкой политической машины, в США при помощи аналитического сообщества с самого начала вырабатывают систему национальных интересов как единое целое, объединяющее интересы бизнеса и государства. Именно этот механизм осознания общенациональных интересов и является главной причиной и одновременно главным инструментом американского глобального лидерства. Мы считаем, что творческое заимствование этого гибкого инструмента партнерства государства и частного бизнеса, доказавшего свою эффективность в самых разнообразных исторических условиях, его разумная переработка и адаптация к российским условиям, позволит сформировать на его основе целый спектр инструментов эффективной российской промышленной политики.

Будем называть частно-государственным партнерством (ЧГП) такое партнерство частного бизнеса и государства, в котором частный бизнес выполняет «лидерские функции», а государство выступает в роли «младшего партнера». Соответственно будем называть государственно-частным партнерством (ГЧП) такое партнерство

частного бизнеса и государства, в котором государство выполняет «лидерские функции», а частный бизнес является «младшим партнером».

Выше мы установили, что партнерство государства и бизнеса является важнейшим инструментом промышленной политики и выделили две формы промышленной политики – «мягкую» и «жесткую». Нетрудно видеть, что «мягкой» промышленной политике более всего адекватен инструмент ЧГП, в основе которого лежит механизм расширенного воспроизводства, а соответственно «жесткой» промышленной политике – инструмент ГЧП, в основу которого следует заложить механизм структурных трансформаций.

5. Синхронизация инструментов промышленной политики с фазами большого цикла Кондратьева

Известная теория кондратьевских экономических циклов утверждает, что с так называемыми «большими волнами» довольно четко связана цикличность либерализации и «огосударствления» экономики, то есть смена господствующей модели управления экономикой и многими социальными процессами [54]. Согласно этой теории период острого и затяжного кризиса в рамках нисходящей стадии Кондратьевского цикла объективно требует усиления роли и функций государства в экономической системе при одновременном резком сокращении поля применения либеральных схем и методов хозяйствования [55]. Поэтому вслед за А. Акаевым [56] и М. Побединским [57], которые говорят, что фазе депрессии нисходящей стадии Кондратьевского цикла характерна неокейнсианская экономическая политика, мы также утверждаем, что этой стадии соответствует «жесткая» (селективная, вертикальная) промышленная политика.

Период подъема в рамках восходящей стадии Кондратьевского цикла, наоборот, требует большей свободы предпринимательства и

принятия инвестиционных решений, снятия многих ограничений на межотраслевые переливы капитала. Либерализация экономики и управленческих процессов становится в рамках восходящей стадии важным фактором освоения кластера новых базисных инноваций, структурной перестройки и экономической экспансии. Затем в фазе сатурации (насыщения) эта же либерализация неизбежно приводит к перегреву экономики и формированию различных «финансовых пузырей» и «пирамид», тем самым приближая новый кризис и неизбежную вследствие этого новую волну «огосударствления». Таким образом, восходящей стадии в основном соответствует «мягкая» (универсальная, горизонтальная) промышленная политика.

Мы обратили внимание, что опыт первого реализованного проекта партнерства государства и бизнеса в Великобритании был зафиксирован в 1981 году в связи с постройкой лондонских доков на основе новой дерегулированной и рыночно-ориентированной политики планирования. Как известно, этот период относится к началу «фазы оживления» восходящей стадии 5-го Кондратьевского цикла. Далее в 1992 году, а это уже «фаза подъема» восходящей стадии 5-го Кондратьевского цикла, в Великобритании была принята так называемая «частная финансовая инициатива» (PFI) и последовала целая серия более-менее успешно реализованных проектов в рамках партнерства государства и бизнеса [58]. В США сотрудничество властей и частного бизнеса в эти же годы процветает на муниципальном уровне. Образован даже специальный орган управления – *National Council for Public-Private Partnerships*. Обратите внимание на название – именно «совет по частно-государственному партнерству» (ЧГП). Широко развивается сотрудничество государства и бизнеса в этот же период в Германии и во Франции. В самых первых совместных проектах государства с частным бизнесом (на фазе оживления и начале фазы подъема 5-го цикла Кондратьева) частный бизнес играл роль лидера, а государство роль «ведомого» участника,

т.е. эти первые проекты фактически были, по сути, проектами ЧГП. Уже к середине 1990-х годов бизнес играл полностью определяющую роль в тандеме партнерства с государством.

На этом этапе развития партнерства государства и бизнеса в большинстве случаев самым ценным вкладом государства в проект было само право на его осуществление – гарантируемая государством монополия на использование выделенного ресурса только данным предприятием, реализующим одобренный проект в рамках партнерства, причем даже в тех случаях, когда эта монополия не была технологически обоснованной [59]. Например, в штате Миннесота (США) частная телекоммуникационная компания получила право проложить оптоволоконный кабель с использованием инфраструктуры автодорог штата. При этом другие компании к прокладке кабеля в тех же колдках допущены не были. За это компания предоставила правительственным органам бесплатный доступ к сети и проложила кабель даже в малонаселенные районы, в которые тянуть кабель было, безусловно, невыгодно с коммерческой точки зрения. Частный бизнес явно лидировал в таком партнерстве. Среди большого количества других примеров партнерства типа ЧГП можно вспомнить проект строительства Евротоннеля, инфраструктурные проекты в энергетической отрасли, такие как электростанции «Pego» и «Tapada» в Португалии или электростанция «LUL Power PFI» в Лондоне, которые хотя и финансировались, в том числе Европейским инвестиционным банком (EIB), но основное финансирование и в дальнейшем эксплуатация с извлечением прибыли легло на плечи частного бизнеса [60]. Экономия Великобритании на инвестиционных расходах при реализации проектов ЧГП составила 17 процентов, принесла только в одном 1999-2000 бюджетном году 1 миллиард долларов [61].

Однако на рубеже 2000 года ситуация стала меняться в противоположную сторону [62]. Частный бизнес увлекся финансовыми ин-

струментами и в большей части проектов в рамках сотрудничества государства и бизнеса «лидерская роль» государственных институтов опять существенно возросла. Огромный комплекс проблем оказался связан со спасением проектов ЧГП в случае банкротства частного партнера или невыхода проекта на запланированные показатели вследствие «неудачного проектирования». Ярким примером здесь является концессионный проект строительства в Венгрии платной автомагистрали M1/M15, когда фактический объем платного трафика оказался существенно ниже проектного и доход от платы за проезд составил менее 50 процентов от расчетного. Правительство Венгрии было вынуждено принять значительную часть ответственности за просчеты на себя и проект ЧГП превратился в проект ГЧП.

оказалась существенно меньше, в основном частный бизнес выступал в качестве главного исполнителя подрядных работ и являлся лидером в управляющей компании ООО «Нордвод» после пуска сооружений в эксплуатацию (в ООО «Нордвод» только 40 проц. принадлежит ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», остальное – частному бизнесу).

Еще одним примером, ярко иллюстрирующим принятие государством в 2000-2009 годах роли «лидера» в проектах, реализующихся на условиях партнерства государства и бизнеса, являются практически все проекты, принятые к исполнению Инвестиционным фондом РФ, – от проектов строительства платных дорог до проекта комплексного развития Нижнего Приангарья в Красноярском крае, который на первых этапах почти

Партнерство государства и бизнеса является важнейшим инструментом промышленной политики.

В качестве других примеров принятия государственными структурами функций лидера в партнерстве с бизнесом на себя стоит обратить внимание на проекты, которые в это время стали реализовываться в России. Достаточно вспомнить большой проект по завершению строительства Юго-Западных очистных сооружений (ЮЗОС), инициированный властями Санкт-Петербурга в 2002 году. Экспертиза при Госстрое России 27 апреля 2002 года одобрила смету проекта в сумме 128 миллионов евро. А основными инвесторами проекта выступили государственные и межгосударственные структуры, среди них – Министерство окружающей среды Финляндии (10 млн. евро), Шведское агентство по содействию международному развитию (11 млн. евро), Датское агентство охраны окружающей среды (5,8 млн. евро), Европейский банк реконструкции и развития (42 млн. евро), Северный инвестиционный банк (45 млн. евро) и др. [63]. Доля частного бизнеса в финансировании этого проекта

полностью должен финансироваться за счет средств Инвестиционного фонда РФ, поскольку с самого начала необходимо достроить Богучанскую ГЭС и создать транспортную и производственную инфраструктуру для будущих промышленных предприятий. А главным исполнителем по проекту строительства Богучанского лесохимического комплекса вообще является государственный Внешэкономбанк, который, конечно, рассчитывает в дальнейшем привлечь софинансирование от частных инвесторов, но не на первых этапах строительства, а тем более проектирования.

Примеров можно приводить еще достаточно много, но, уже базирываясь на указанных выше примерах, можно эмпирически выдвинуть гипотезу о том, что поскольку в рамках понижательной фазы Кондратьевского цикла резко усиливаются функции государства, промышленная политика объективно становится «жесткой» и соответственно требует применения инструментария государственно-част-

**Синхронизация промышленной политики правительства
с фазами большого цикла Кондратьева**

Стадии	Восходящая стадия 5-го цикла Кондратьева	Нисходящая стадия 5-го цикла Кондратьева		Восходящая стадия 6-го цикла Кондратьева	
		Спад	Депрессия	Оживление	Подъем
Фазы цикла Кондратьева	Подъем	Спад	Депрессия	Оживление	Подъем
Период действия	1990-2000	2000-2009	2010-2018	2018-2028	2028-2050
Стратегия России	Отсутствие стратегии	Накопление средств в суверенных фондах	Запуск инноваций	Рост	Рост
Особенности фазы	Завершение процесса формирования ТНК. Экономическая экспансия кластера новых технологий. Постепенное снижение нормы прибыли на вложенный капитал. Переток капитала в область товарных и финансовых спекуляций. Перегрев фондового рынка	Формирование «пузырей» и «пирамид» на финансовых, товарных и ипотечных рынках. Рост фиктивного капитала. Запуск приоритетных проектов. Крах рынков и «исчезновение» фиктивного капитала	Усиление роли и функций государства и резкое сокращение поля применения либеральных схем и методов хозяйствования. Господдержка приоритетных отраслей, в том числе методами тарифного и нетарифного регулирования.	Полицентричность мировой экономической системы. Формирование системообразующих внутрирегиональных рынков. Освоение кластера новых базисных технологий. Появление отраслевой структуры нового типа.	Развитие отраслевой структуры нового типа. Экономическая экспансия кластера новых базисных технологий. Постепенное снижение нормы прибыли на вложенный капитал
Основной инструмент промышленной политики	«Мягкая» промышленная политика. Примат инструментария ЧГП в зарубежных странах (США, Европа, «новые индустриальные драконы», Китай Индия, страны ОПЕК)	Постепенная замена «мягкой» промышленной политики на «жесткую». Переход в промышленной политике от инструментов частно-государственного партнерства (ЧГП) к инструментам государственно-частного партнерства (ГЧП)	«Жесткая» промышленная политика. Примат инструментально-государственно-частного партнерства (ГЧП). Инновационное и структурное «пере-проектирование» промышленности. Формирование ядра кластера новых базисных технологий	Постепенная замена «жесткой» промышленной политики на «мягкую». Переход в промышленной политике от инструментов частно-государственного партнерства (ЧГП) к инструментам государственно-частного партнерства (ГЧП)	«Мягкая» промышленная политика. Примат инструментов частно-государственного партнерства (ЧГП)

ного партнерства (ГЧП), в основу которого обязательно должен быть заложен механизм структурных трансформаций и в котором лидерские функции выполняет государство, а частный бизнес играет роль ведомого. Соответственно в рамках повышательной фазы Кондратьевского цикла промышленная политика становится объективно «мягкой» и базируется на инструментарии частно-государственного партнерства (ЧГП), который основывается на механизме расширенного воспроизводства и в котором уже

частный бизнес принимает на себя все «тяготы» функции лидера, а государство – выполняет роль ведомого.

Базируясь на вышесказанном, мы рискуем заявить о возможной синхронизации промышленной политики с фазами большого цикла Кондратьева. Эта гипотеза иллюстрируется в таблице. В соответствии с выдвинутой нами гипотезой предполагается, что государство при формировании промышленной политики, опираясь на теорию Кондратьевских больших циклов, может подбирать необ-

ходимый инструментарий промышленной политики в зависимости от текущей и будущих фаз большого цикла.

Если выдвинутая нами гипотеза в дальнейшем обретет более стройное обоснование, чем приведенные выше и базирующиеся на примерах из экономической практики эмпирические рассуждения, мы получим возможность значительно усилить прогностику при формировании эффективной промышленной политики и выбора необходимого инструментария для ее реализации. □

1. Лихачев В.Н. На вызовы века отвечает прежде всего государство. Мировой правопорядок зависит от эффективности антикризисной программы // Парламентская газета. – 2009. – 30 января. – № 5 (2347).
2. См.: Хасбулатов Р.И. Глобальный финансовый кризис: причины и следствия // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 30-45; Гринин Л.Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 46-53; Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 4-23; Хазин М., Ижицкая Е. Рассуждения о последствиях кризиса // Финансы. Экономика. Безопасность. – 2008. – № 9-11 (50-52); 2009. – № 1-2 (53). – С. 9-15.
3. Гринин Л.Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 46-53.
4. Панарин А. Агенты глобализма. Глава IV. Новые буржуа в глобальном мире. Георг Зиммель против Макса Вебера // <http://www.moskvam.ru/2000/07/panarin.htm>.
5. Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 12.
6. Там же. – С. 15.
7. Хасбулатов Р.И. Глобальный финансовый кризис: причины и следствия // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 38.
8. Богомолов О. Момент истины // Финансы. Экономика. Безопасность. – 2009. – № 1-2 (53). – С. 4-8.
9. Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 9.
10. Хазин М. Прогноз на 2008 год для России с анализом предыдущего прогноза на 2007 год // Финансы. Экономика. Безопасность. – 2008. – № 2 (43). – С. 12-17.
11. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 5.
12. Примаков Е.Н., Макаров В.Л., Сулакшин С.С. и др. Государственная промышленная политика России. Проблемы формирования и реализации. – М.: Торгово-промышленная палата РФ, Комитет по промышленному развитию, 2003. – 120 с. // <http://www.tpprf.ru/img/uploaded/2008062310323378.doc>.
13. Проект документа Министерства промышленности и энергетики РФ «О новой промышленной политике» // Сетевой журнал о стратегии Стратег.ру. 13 апреля 2006 г. // <http://stra.teg.ru/library/econ/prom/newProm>.
14. Бесчетнов К.В., Головнев В.А., Лазарев Г.Г., Валенчук О.Д. Проект Федерального закона № 75357-5 «О развитии промышленности» // <http://asozd.duma.gov.ru>.
15. Панина Е.В., Шевцов Г.Е., Драганов В.Г. и др. Проект Федерального закона № 98281-5 «О национальной промышленной политике в Российской Федерации» // <http://asozd.duma.gov.ru>.
16. Промышленность не оставят вне политики // Коммерсантъ. – 2008. – 13 сентября. – № 165 (3982) // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1025915>.
17. Кокошин А.А., Белолипецкий А.М., Герасев М.И. и др. Промышленная политика России в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2004. – 111 с.
18. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 16.
19. Евтушенков В.П. Новая промышленная политика – взгляд бизнеса: Тезисы выступления на Совместном заседании правления РСПП и Коллегии Минпромэнерго 17 апреля 2006 г. // Ведомости. – 2006. – 8 августа // http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=234&d_no=29.
20. Примаков Е.М., Макаров В.Л., Сулакшин С.С. и др. Государственная промышленная политика России. Проблемы формирования и реализации. – М.: Торгово-промышленная палата РФ, Комитет по промышленному развитию, 2003. – 120 с. // <http://www.tpprf.ru/img/uploaded/2008062310323378.doc>. – С. 3.
21. Евтушенков В.П. Новая промышленная политика – взгляд бизнеса: Тезисы выступления на Совместном заседании правления РСПП и Коллегии Минпромэнерго 17 апреля 2006 г. // Ведомости. – 2006. – 8 августа // http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=234&d_no=29.
22. Потапова Е.Н. Политико-экономические аспекты формирования эффективных механизмов промышленной политики в современной России // Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – М.: Государственный университет управления, 2006. – 19 с.
23. Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и практика. – 5-е междунар. изд. – СПб.: Питер, 2003. – 311 с.
24. Проект документа Министерства промышленности и энергетики РФ «О новой промышленной политике» // Сетевой журнал о стратегии Стратег.ру. 13 апреля 2006 г. // <http://stra.teg.ru/library/econ/prom/newProm>.
25. Там же.
26. Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Вестник Челябинского университета. – 2008. – Вып. 15. – № 19 (120). – С. 9. – (Экономика).
27. Поршнева А.Г., Анисимов А.Н., Балашова Е.Е. и др. Модернизация российской экономики и государственное управление. – М.: КомКнига, 2006. – С. 13-19.
28. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 5.
29. Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 года. – М.: Деловая литература, 2007. – С. 120.
30. Коалиции для будущего. Стратегии развития России: Коллектив экономистов «СИГМА». – М.: ООО «Издательство «Промышленник России», 2007. – 112 с.
31. Там же. – С. 75.
32. Там же.
33. Там же. – С. 79.
34. Там же. – С. 76.
35. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 6.
36. Там же. – С. 21.
37. Там же. – С. 23.
38. Там же. – С. 24.
39. Там же.
40. Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Вестник Челябинского университета. – 2008. – Вып. 15. – № 19 (120). – С. 5-17. – (Экономика).

41. См.: *Примаков Е.М., Макаров В.Л., Сулакшин С.С.* и др. Государственная промышленная политика России. Проблемы формирования и реализации. – М.: Торгово-промышленная палата РФ, Комитет по промышленному развитию, 2003. – 120 с. // <http://www.tpprf.ru/img/uploaded/2008062310323378.doc>; *Евтушенков В.П.* Новая промышленная политика – взгляд бизнеса: Тезисы выступления на Совместном заседании правления РСПП и Коллегии Минпромэнерго 17 апреля 2006 г. // *Ведомости*. – 2006. – 8 августа // http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=234&d_no=29; *Потапова Е.Н.* Политико-экономические аспекты формирования эффективных механизмов промышленной политики в современной России // Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – М.: Государственный университет управления, 2006. – 19 с.; *Кругман П., Обстфельд М.* Международная экономика. Теория и практика. – 5-е междунар. изд. – СПб.: Питер, 2003. – 311 с.
42. *Татаркин А.И.* Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // *Вестник Челябинского университета*. – 2008. – Вып. 15. – № 19 (120). – С. 7. – (Экономика).
43. Там же. – С. 8.
44. Там же. – С. 13.
45. *Поршнева А.Г., Анисимов А.Н., Балашова Е.Е.* и др. Модернизация российской экономики и государственное управление. – М.: КомКнига, 2006. – 376 с.
46. Коалиции для будущего. Стратегии развития России: Коллектив экономистов «СИГМА». – М.: ООО «Издательство «Промышленник России», 2007. – 112 с.
47. *Полтерович В.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // *Вопросы экономики*. – 2008. – № 4. – С. 4-24.
48. *Лихачев В.Н., Азанов М.В.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России: В 3 ч. // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2004. – № 5 (5). – С. 2-10; 2005. – № 1 (6). – С. 2-8; № 2 (7). – С. 20-28.
49. См.: *Лихачев В.Н., Азанов М.В.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России: В 3 ч. // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2004. – № 5 (5). – С. 2-10; 2005. – № 1 (6). – С. 2-8; № 2 (7). – С. 20-28; *Варнавский В.* Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления // *Отечественные записки*. – 2004. – № 6 (20) // <http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=988>; *Вилисов М.В.* Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // *Власть*. – 2006. – № 7 // http://www.rusrand.ru/public/public_7.html; *Романова О.А.* Теория и практика развития частно-государственного партнерства // *Вестник УГТУ*. – 2007. – № 3. – С. 39-50.
50. См.: *Лихачев В.Н., Азанов М.В.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России: В 3 ч. // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2004. – № 5 (5). – С. 2-10; 2005. – № 1 (6). – С. 2-8; № 2 (7). – С. 20-28; *Романова О.А.* Теория и практика развития частно-государственного партнерства // *Вестник УГТУ*. – 2007. – № 3. – С. 39-50.
51. *Кобяков А.* Парадоксы экономической политики России: необходимость стратегии развития // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2008. – № 6 (47). – С. 6-13.
52. См.: *Лихачев В.Н., Азанов М.В.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России: В 3 ч. // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2004. – № 5 (5). – С. 2-10; 2005. – № 1 (6). – С. 2-8; № 2 (7). – С. 20-28; *Романова О.А.* Теория и практика развития частно-государственного партнерства // *Вестник УГТУ*. – 2007. – № 3. – С. 39-50.
53. *Лихачев В.Н., Азанов М.В.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России: В 3 ч. // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2004. – № 5 (5). – С. 2-10; 2005. – № 1 (6). – С. 2-8; № 2 (7). – С. 20-28.
54. *Кобяков А., Айвазов А.* Николай Кондратьев как зеркало кризиса. Ч 2. Экономический серфинг: вниз по большой волне // *Аналитический интернет-журнал RMonitor.ru*. – 2008. – 25 октября // http://rpmmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=11489.
55. См.: *Кобяков А., Айвазов А.* Николай Кондратьев как зеркало кризиса. Ч 2. Экономический серфинг: вниз по большой волне // *Аналитический интернет-журнал RMonitor.ru*. – 2008. – 25 октября // http://rpmmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=11489; *Акаев А.А.* Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом // *Мониторинг глобальных и региональных рисков 2008/2009 / Под ред. Халтуриной Д.А., Коротаева А.В.* – М.: УРСС, 2009. – С. 141-162; *Побединский М.В.* Социально-экономические преобразования отечественного хозяйства с учетом теории «длинных волн» // Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – М.: Военный университет, 2007. – 26 с.
56. *Акаев А.А.* Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом // *Мониторинг глобальных и региональных рисков 2008/2009 / Под ред. Халтуриной Д.А., Коротаева А.В.* – М.: УРСС, 2009. – С. 141-162.
57. *Побединский М.В.* Социально-экономические преобразования отечественного хозяйства с учетом теории «длинных волн» // Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – М.: Военный университет, 2007. – 26 с.
58. *Лихачев В.Н., Азанов М.В.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России: В 3 ч. // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2004. – № 5 (5). – С. 2-10; 2005. – № 1 (6). – С. 2-8; № 2 (7). – С. 20-28.
59. Там же.
60. Там же.
61. *Романова О.А.* Теория и практика развития частно-государственного партнерства // *Вестник УГТУ*. – 2007. – № 3. – С. 47.
62. *Лихачев В.Н., Азанов М.В.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России: В 3 ч. // *Финансы. Экономика. Безопасность*. – 2004. – № 5 (5). – С. 2-10; 2005. – № 1 (6). – С. 2-8; № 2 (7). – С. 20-28.
63. Там же.

МОДЕРНИЗИРУЯ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

ВЛАДЛЕНА АГАБЕКЯН

На первом состоявшемся в этом году заседании Коллегии местного самоуправления г. Белгорода в администрации города были обсуждены вопросы реализации комплексного проекта модернизации системы общего образования Белгородской области на уровне муниципалитета.

В своем выступлении начальник департамента образования, культуры, спорта и молодежной политики Н. Перестенко отметил, что комплексный проект модернизации реализуется с 2007 года по пяти направлениям: введение новой системы оплаты труда, нормативно-подушевое финансирование общеобразовательных учреждений, развитие муниципальной системы оценки качества образования, расширение общественного участия в управлении образованием и обеспечение условий для получения качественного общего образования независимо от места жительства.

В результате перехода на новую систему оплаты труда средняя заработная плата работников школ выросла в 2 раза и составляет 11 859 рублей, а средняя заработная плата учителей увеличилась более чем в 2 раза и составляет 16 340 рублей.

С января 2007 года на основе принципа подушевого финансирования функционируют все школы

города. Расходы на реализацию государственного стандарта общего образования устанавливаются в расчете на одного обучающегося дифференцированно по типам классов и ступеням обучения. В текущем году для поддержки комплексного проекта модернизации на муниципальном уровне из средств бюджета для достижения данного показателя выделено 16,4 миллиона рублей.

она рублей. Общеобразовательным учреждениям, победившим в рамках национального проекта в 2007 году, выделено 5 миллионов рублей, в 2008 году – 4 миллиона рублей.

Во всех учреждениях образования созданы органы самоуправления – Управляющие советы, в состав которых входят педагоги, родители, учащиеся, представители общественности.

Непременным условием проведения выпускных экзаменов в форме и по материалам ЕГЭ стало привлечение в качестве наблюдателей представителей общественности.

В целом реализация этих двух направлений установила зависимость заработной платы работников школ от конкретных результатов их труда, повысилась заинтересованность педагогов в повышении качества уроков, совершенствование своего профессионального уровня. По сравнению с 2007 годом на 15 процентов выросло количество учителей, прошедших курсовую переподготовку.

В ходе реализации комплексного проекта модернизации была проведена работа по созданию системы сетевого взаимодействия между общеобразовательными учреждениями. Созданы Ассоциации гимназического и лицейского образования, активно работает университетский комплекс во взаимодействии с ведущими вузами Белгорода. Из федерального бюджета на развитие опорных школ города в 2007 году направлено 13 миллионов рублей, в 2008 году – 14,6 милли-

Внесены изменения в Уставы образовательных учреждений, разработана и утверждена соответствующая нормативная база. При Управляющих советах созданы комиссии, участвующие в распределении стимулирующей части фонда оплаты труда работников школы.

Непременным условием проведения выпускных экзаменов в форме и по материалам ЕГЭ стало привлечение в качестве наблюдателей представителей общественности.

В завершение работы заместитель главы администрации – руководитель аппарата администрации города, секретарь Коллегии С. Боженков проинформировал присутствующих о плане работы Коллегии органов местного самоуправления на текущий год. □

По материалам службы информации администрации г. Белгорода